

В номере:

Секретарь ЦК ДКСМ Минчо Чунтов:

СОФИЯ — ФЕСТИВАЛЬ

Лев Ошанин:

Кольский — в сердце моем

Новый рассказ Вилия Липатова

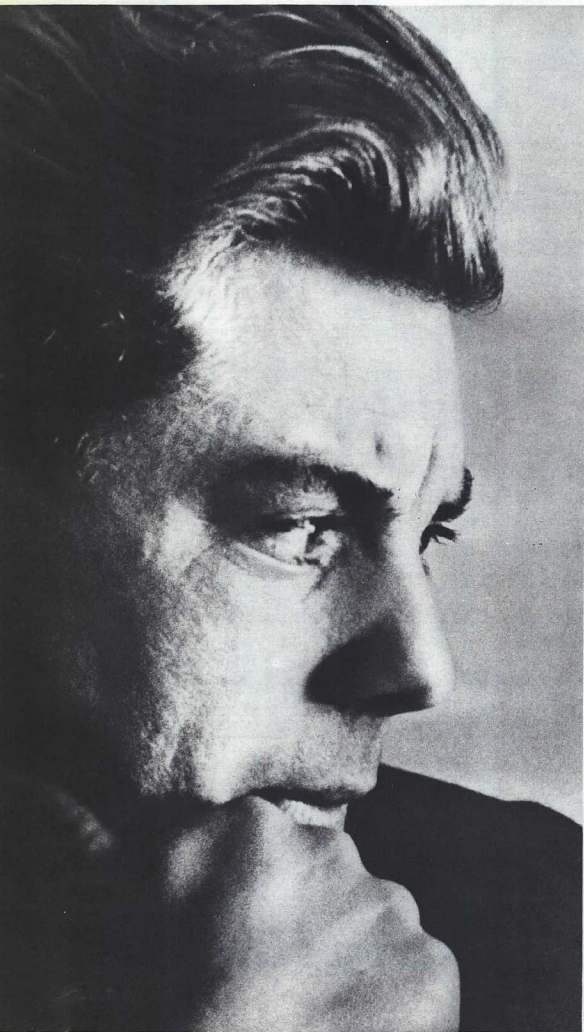
Стихи молодых о России

№ 11 июнь 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

1968
ВЛКСМ
1968

Герой Социалистического Труда инженер Феликс Ходаковский.

Феликс

Районковский «тазик» устремился в тайгу. Мелькают последние щитовые домики станции Хребтовой. Здесь начинается трасса Хребтовой — Усть-Илим. Дорога отличная, укатанная, газиков месetas, обгоняя поезда, груженный звеньями. Где-то вперед ждет эти звенья путеукладчик.

— Понимаете, Саша, меня привело сюда не только задание, — говорю я секретарю Ниние-Илимского района комсомола Саше Гаманову. — Я работал здесь, на Ангара-Илимке, десять лет назад, и теперь интересно с людьми встретиться, поговорить. Все-таки у геологов не каждый день бывает, когда по тону маршrutам мнут стронтели... В общем, хочется увидеть того инженера, что пришел за нами сюда следом.

— Это надо к Феликсу Винентьевичу, — говорит Александр. — Кстати, этот участок нам по пути... Феликс — главный инженер строительно-монтажного поезда 266, Герой Социалистического Труда получил за Абакан — Тайшет... С тридцати восьмью года человек — только-только из комсомольского возраста вышел... Да вы, кажется, сам он...

Люди у неподвижного путеукладчика. Агретат напоминает какого-то ископаемого стенофауна: широко расставленные передние «пальцы» на гусеничном ходу. Перед «пальцами» обрываются рельсы. Под брюхом этой машины копошатся люди. Ремонтируют сцепление.

— Вот это и есть наш Феликс Ходаковский, — подводит меня Александр к круглолицему, коренастому парню в тяжелых унтах, меховой куртке и охотничьей шапке.

Ходаковский в самом центре. Его пальцы, перемазанные солидолом, быстро-быстро выкручивают какой-то болтик. У меня по спине пробегают мурашки — представляю, как пальцы приклеиваются к холодной стали.

— Феликс, к тебе!

Мы пожмем друг другу руки. На его обветренных губах ясная улыбка: не хочется, видно, выступать перед рабочими в качестве журналистского объекта.

— Ну, дальше вы сами справитесь, — говорит он рабочим, кивая на машину, обращаясь ко мне. — Подем в Игирму!

Мы молча рассоржис по машинам. И стремительный «тазик» главного инженера мчит нас дальше в тайгу, только мелькают красивые столбы сосен да с рывок проносятся мимо «МАЗы».

— Трудновато ориентироваться, но кое-что узнаю, — говорю я. — Мы работали в этих краях до вас.

— Изыскания! — спрашивает Феликс и подает за ко мне.

— Геологическая съемка, — говорю я. — Братская ГЭС тогда только начиналась. Покормили мы тут мошкору...

С этого мы и знакомимся по-настоящему. Окаймляется, наши отцы работали на строительстве одной железной дороги, забивали костыли. Феликс пошел по стопам своего отца — он окончил Иркутский железнодорожный техникум, а потом элочно — Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта.

С тех пор его главной заботой стали таежные пикеты, которые тянутся по всей трассе будущей магистрали. По ним должна лечь насыпь, а потом звенья пути.

Часто в рассказе Феликса прорываются два слова — стронть на уму. Да, стронтели — сибиряку, инженеру есть где размахнуться. Мононо не щадить тайги, заваливать ее где пополю отстойным стронтепствам, отдавать ренчи на откуп любителей...

ПЛАЦДАРМЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ СЛАВЫ

Лев ОШАНИН

ВНЕ ОБЖИТО ЗДЕСЬ РА

Фото А. ЛЕХМУСА

Нольский полуостров... Край непуганых птиц, как назвал его в свое время Михаил Пришвин и как любил повторять С. М. Киров. Для большинства людей это просто еще одна географическая точка. Для школьников — очередная возможность получить справку по географии. А для меня это край юности, где в тридцатых годах мне довелось участвовать в строительстве города Хибингорска (не ищите на карте: он давно уже стал Кировском). Недавно из дома-музея Кирова мне прислали раздаточный мне стихотворный «Рапорт хибинских комсомольцев 5-й Мурманской окружной конференции». Этот рапорт по решению Хибинского горкома комсомола и по настоянию его секретаря Захара Болотского в январе 1932 года был написан мною, приехавшим тогда на Польшань в инспекцию командировку. И хотя, на мой взгляд, самостоятельного художественного значения эти юношеские стихи не имеют, они передавали дух и настроение того времени. Они были предельно искренни и полны комсомольского темперамента тридцатых годов.

В этой стране,
где пурге горнозвезды открыты,
Дует свирятого ветра
в горах на остывает напор,
Люди нового склада
открыли пласты апатита
И с кирками пришли
разрабатывать залежи гор...

...И ни тундры, ни ветер
спомнят на сумаси уютерств,
Шаг за шагом ирривались
в чужую породу бурды.
Чтобы первые лампочки Хибинского
Делом чести заглялись
на уютных и в школьных гора.

Тогда, в 1932 году, я приехал с ребятами на 5-ю Мурманскую окружную конференцию. Только мы, хибингорцы, явились со стихотворным рапортом, и это прозвучало. И тогда мы возразились обратно, в поезде Захар Болотский показал мне буханку, с которой было написано приблизительно следующее: каждый ком-

Кольский сегодня — это новые кварталы Мурманска, это бесконечная жизнь морского порта, чехий грудовой ртутя комбината «Апатит»...

сомолец, приехавший за Полярный мург — в отпуске, в командировку, и военные — момент быть, оставаясь на постоянную работу без согласования с последней его организацией. И пописы: ЦК ВЛКСМ.

Хорошая бумажка! — спросил Захар.

— А ты хочешь быть силой оставить здесь? — ответил и попросил.

— Нет, — улыбнулся Захар, — хочу, чтобы ты остался сил.

Мне понравился этот край бурном и полярных сияний, так тепломой на Миссури. И я сказал Захару, что с удовольствием останусь. Но только на год, потому что мне нужно учиться.

Бог тебе рука коммуниста, — ответил Захар, — через год, и тебе отпустило.

Но когда прошлый год, Болотевский давно уже был переброшен в Ленинград, и я проработал в Забавогорске, а потом в Кировске три с половиной года. А с тех пор много раз возвращался туда — и в Кировск, и в Мончегорск, и в Мурманск, и на респ. Пенчу и Западно-Ленчу, и на озеро Исандра.

Кстати, об озерах. Финляндия знаменита своими озерами, которых в ней до 35 тысяч. А из Кольского полуострова, хотя он в 2,5 раза меньше Финляндии, но в три раза превосходит количеством. Всего, 100 тысяч озер, в том числе такое огромное, как Лаборатор. А Исандра, велика как Исандра, на которой стоит Мончегорск, тянется на 200 с лишним километров.

Богатства Кольского полуострова таковы, что там сейчас находят практически все элементы таблицы Менделеева, из которых чуть ли не две трети имеют промышленное или полупромышленное значение. Еще в традиционные годы мне, академиком-геологом, довелось дружить с уральскими — знаменитым — академиком Александром Евгеньевичем Ферманом, создавшим в свое время горную станцию Академии наук в Тизятту (что на языке саами значит «наука»). Тогда уже были обнаружены в хабинских и лозозерских, Монча и Волчьих туфрах 62 элемента Менделеевской таблицы. И прекрасно помню эту горную станцию Академии наук.

На соседней непохожий.

Этот дом совсем другой —

На дороге непреходящей.

Под истронной горой.

Странен, светел и просторен

Плмшлый дом. Скупой уют.

В тишине лабораторий

Здесь ученые живут.

Этот дом стоит в стороне от дороги, под горой Пожучуор, на берегу Вадого Вудьявара. Удачливо было добраться зимой, когда пурга заносила все дороги. Но Александр Евгеньевич

искал тихого места, удобного для работы ученых, в то же время в непосредственной близости и горному массиву и альпийскому ботаническому саду, раскинутому недалеко. Этот дом

строил во время войны. А современными организаторы науки, бывший председатель президиума Кольского филиала Академии наук академик

А. В. Сидоренко и его преемник Е. М. Козлов вывели здесь на горную станцию и даже на базу Академии

науку целый филиал со многими институтами на самую плодотворную территорию — непосредственно на Мурманскую железную дорогу — на станцию Апатиты, где именно благодаря созданию

филиала и Второй адгитативной обогатительной фабрики (АНОФ-2)

недавно создан еще один город — город Апатиты. За свое успешнейшее

деятельность Кольский филиал — один из всех — награжден орденом орденом Ленина. В состав филиала

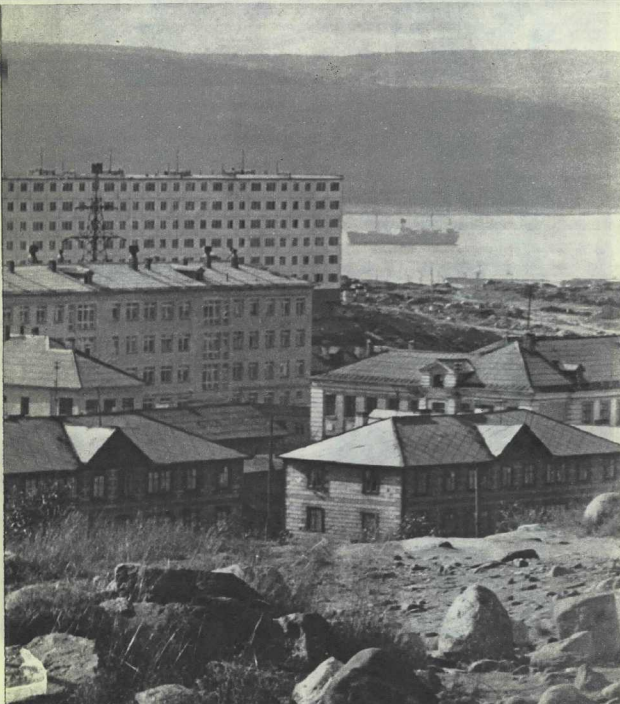
уже входят много научно-исследовательские институты, и не только геологический, горный или институт технологий рудных металлов, но и палеонто-геофизический институт, изучающий полярную атмосферу. Кроме

солнечный ветер и другие явления. Вот на одной из фотографий вы видите лаборантов — операторов Лобынчева и Рассадина, запускающих разведочные. На большой фотографии — дежурный оператор Гольманн Замирин из лаборатории полярных сияний в Лопарской.

Круг деятельности филиала необычайно широк. Множество открытий и разведанных месторождений полезных ископаемых, десятки разработанных

БОЧИМ ЛЮДОМ

Широкие научные исследования проводятся в лаборатории Полярно-геофизического института.

Лаборатория полярных сияний. Сотрудница Гюльшат Закирова у прибора.

Операторы Лобыкчиев и Рассадин запускают радиозонд.

ных схем обогащения и технологии обработки разнообразных видов необогащенных в карбонном хвосте минералов. Один только из редких металлов, использованный по традиционной схеме в электротромышленности, дал за год 4 миллиона рублей прибыли. Это, как известно, в этой петле работники филиала собираются подготовить необходимые научные данные для создания 30 новых комбинатов на Южном полуострове. Я недавно писал в «Литературной газете» о Нордоре, теме новом городе, где переплетается сразу несколько проблем — так многообразны минеральные богатства этого уголка полуострова. Еще многое теоретически разработавшее научными институтами филиала далеко не решено разнообразными министерствами. Иной раз на одном и том же тулдум встречаются интересы не двух и даже не трех министерств, и не сразу легко решить, кому же именно и как отдавать этот источник, чтобы ни одна пядьница народного добра не пропала. Еще идут в отвалы спутники апатита — нефелиновые пески, которые могут быть великолепным сырьем для десятков отраслей нашей промышленности. А кроме того, они пылят под летним полярным ветром. В прошлом году засажены ровные 19 гектаров этих нефелиновых песков, которые дали отличный урожай. Понасу да дело — в этом году засадят 100 гектаров. Ровь за Полярным кругом — Томе неплохо.

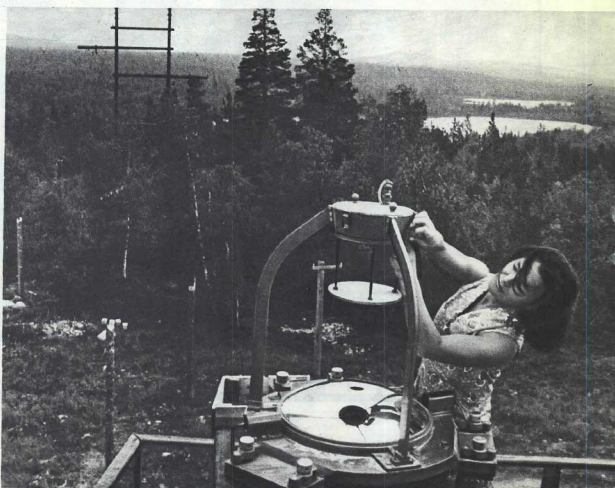
Истали, о температуре этого Полярного края. Вот запись в записной книжке от 19 июня 1966 года:

Не пора шуметь полярным ветрам.
И еще не время молчанья.
Мы сегодня за Полярным кругом
Чуть не помираем от жары.

Правда, уже 20 июня было только плюс 4 градуса.

...Город Кировск. Вот среди других большая фотография АНОФ-1. Фабрика входит в комбинат «Апатит», который является бесконечной узкой конвейерной строной. На этой обогатительной фабрике и когда-то работал прайтингом на смежного мастера, потом помощником заведующего флотационным корпусом. Как теперь там все изменилось? В марте 1966 года, когда мы шли по фабрике с молодым главным инженером Алексеем Михайловичем Макаровым, я почти не узнавал ее. Другие классификаторы, новые флотационные машины. Совсем исчезли такие эфемерные старинные питатели с рычагами. И там, где в мое время работали 10 человек, теперь всего двое.

Совсем другой сейчас Кировск. Великолепные детские ясли, которыми руководит одна из самых первых комсомолок Хибингорска — Тося Поля-

Рыболовецкий сейнер «Харусь» на путине. Идет сельдь!

Плато Расвучорр. Своей обычной работой занял электрик рудника Юрий Борнатов. А у взрывников Петра Петрова и Германа Демидова — огостеваемые мануны: готовят мануны взрыва пород.

нова. А у центральной больницы не мешало бы поучиться нашим московским лечебным учреждениям. Там красочны ее стены — не изойливы и солнечны чистые, теплые тоны. А в детское отделение на стенах фрески по мотивам сказок и басен. Главный врач этой больницы Г. Г. Дувадзе словно бы перенес сюда солнце родной Грузии.

Бесконечно разнообразен Кольский полуостров, и разговор о нем можно было начать с него угодно. Даже, может быть, правильнее было бы начать с его столицы, уникального города Мурманска. Но мне, кирочанину, издо было прежде всего заглянуть сюда, в хибинскую тундру. Вот знаменитый Юнусвучорр на руднике имени Кирова, где в 1930 году были добыты первые тонны апатита. Сейчас эта гора имеет страшный вид. Несколько десятилетий тому назад в стихотворении «Хибинские горы» я писал

То небя синей, то буры темней,
Тьма на крыльях долом положен.
Они стоят — сторожа зимней,
Петров и снегов сторожа.

Но на днюм мы котостались, горы,
Что ж,

Скельны над головами
Вершинами четкими, как чертеж.
Границы с синевей.
Но если беду, нам любовь и хлеб,
Как жизнь и дороги во все концы,
Гуляя молодой охоты.
Так вот вам расцвет простоты:
Ис бугорка взорвался, свердцы,
Со всей своей красотой.

Тогда это назвалось просто фразой. Не верилось, что кувалдой или даже экскаватором по наветру можно раздобыть гору. А сейчас Юнусвучорр торчит, как сломанный зуб — наполовину слитая его вершина. Давно уже в ходу и другие рудники, в частности Центральный.

Хоть не так и высоко в виду,
Среди прочих Хибинских гор,—

Вот и местная Антарктида...
Здравствуй, багюнша Расвучорри!

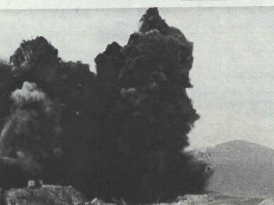
Плато Расвучорр... Много написано о нем. И вполне заслуженно. Даже здесь, где и там мало лета, навсрок оно морочит на два месяца. Даже когда выносу солнышко, здесь чаще всего гремят снеговые заряды. Вот на одном из снимков массовой взрыва пород, осуществляемый мастером Владимиром Алексеевичем, а рядом отличные ребята-взрывники Петр Петров и Герман Демидов. А если говорить о стрелочных работах, которые некоторое лето ведутся на плато и начинаются обычно в мае — июне, то в этом году уже с марта лихо работает на расширении котельной зверо А. Шалыпин.

И поскольку уж пошла речь о горных богатствах полуострова, то разве можно забыть, например, Олегонгис с его великолепными манунами рудами. А в помощь тот день, когда комсомолец Коля Зонтов на маленькой гошудне Мурманаромичи отсудил первый морской выход породы, содержащей железную руду.

Нельзя забыть, Мончегорск, где богат крупнейший медно-никелевый комбинат.

Как пиджик или похолодный френч,
Все обидно здесь рабочим людям.
Старик гора Подувавец
Запросто теперь зовется Илодом.

Вот на этой именно горе и на соседней Сочке были академиком Ферсманом обнаружены в свое время слиты медно-никелевых руд. Пусть за эти десятилетия все близлежащие взрывы, но породили новые мануны-породы руды, разведенные в районе Печенги, которые тутают сейчас Мончегорский комбинат. Кстати, в Мончегорске широко распространены мануны, называемые мастерами. В частности, там, в центральной парнижарской, недавно проведен конкурс на звание «мастера красоты». Победи-

телинцей оказалась Аня Лукина, которая получила это звание и Золотую звезду.

А сама Печенга? Там, в городе Западном, в апреле был в 1949 году. Ехал туда через Западную Липку, где сделали от той высоты, «Шляны», где в землянке командира батальона набоера Сергея Кузнецова в 1944 году мы познакомились с композитором Марком Фрадкиным первые наметки песни «В белых просторах — «Кружится, кружится вьюга над нами...» А «Шляны» тогда была перенесена, и везущаяся вьюга над нами окошца землянки вива чуда не прервала, настигла работу над этой песней. А сейчас там, в городе Заполярном, руднике — карьер 7,5 километра длиной и 1,5 километра шириной с 3 горизонтами, на которых добывается угля и тут же непосредственно обогащается. Там мы встретились и погулялись и со студенческим строительным отрядом Ленинградского механического института и архитекторно-проектной техникой, во главе с боевым его комиссаром Ирией Беловым. Из года в год ребята из Ленинградского механического института ездят на Печенгу. Их здесь ждут и любят. Работают они отменно. Не могут не похвастаться через «Смену» эти наши отряды. Я говорю «наши», потому что они меня тоже в него зачислили. Приват тебе, Ирен, и всем другим братьям. Собирается же в этот год на Печенгу в брате пример в Печенге. Тут немало отличных строителей, в частности мой добрый друг Герой Социалистического Труда Владимир Павлович Сериков.

Как ни странно, но, несмотря на многолетнюю связь с Кольской полуостровом и то, что я несколько лет работал в газете «Хибингорский рабочий», сначала редактором комсомольской страницы, а потом заместителем корреспондента, и много ездил по полуострову, но только совсем недавно попал впервые в Ловозеро, которое является центром оздорового по территории района, основного района, где живут оленеводы-саамы. До того я видел их и ездил на оленях, только тогда они были в составе в Хибингорском. На этот раз оленей планируют же уладить... они отключили на самый север, в Баренцеву морю. Но тогда я думаю о Кольской море, для меня навсегда остается его символизмом то только что рождающийся оленок.

отороги и видел оленяды в доверенные годы.

Мы ослепена вали на руки и тронами глухой земли
И слышал крик Иодической вараги
В наш новый город принесши.

На оледах, щедро поставленных,
Он вырост в городском дому.
И мы вчерта, уже как взрослым,
Овса насыпали ему.

А он стучал рогами ювками,—
В чашке согрелся он не мог,
За дверь с непрочными засовами
Ушел на снежный холлодок.

За рекою, в нашем старом лагере,
Забла про дружбу и коллег,
Искал он сладкий стельбл агели,
Колотым разрыл снег.

Глади мы на гору на фоточки,
Забла про дружбу и коллег,
Наши край такой же неговорящий,
Был этот миллионный снег.

Машинником говорит, о наземном пусковом Кольской замки, о ее озерах, о ее речах. Не знаю, как бы она оставался этот край, если бы не реки, в частности Ивва и Тулома, которые первыми дали электрический ток новым городам и поселкам.

Сосем недавно в Ленинграде мне довелось побывать на 70-летии С. Ф. Сиротова, бывшего главного инженера и заместителя начальника «Инастро» — строительства первой гидростанции на Кольской (Ивва-2) и первой гидростанции в моей жизни. Я развлекать недавно свое очертю от этом строительстве. Это был, конечно, героический труд человека с лопатой, тогда единственный маленькая экскаватор казался чудом техники. Я помню, что больше всего меня взволновала маленькая лампочка около поста Сергея Фомича Сиротова. Бесперебойная работа строили зависела от электротроизны, от маленького движка. И пока горела эта лампочка, строили работала нормально, и главный инженер свои немалые часы отидка спомно спал. Но стоило этой лампочке погаснуть, как он моментально проснулся.

Давно пущены и Ивва-1, и Ивва-3, и гидростанции на других реках, и образованы военные организации «Облэнерго» и «Молгидрострой». Создается сейчас первая атомная электростанция на Кольской полуострове — явная промышленность нужно все больше энергии.

А на берегу Кольского залива строится и первая в Советском Союзе ледяная приливно-отливная экспериментальная станция (ПЭС), основные сооружения которой будут обустроены в Кисегро губу, где мы надеемся начинать свою деятельность.

Когда я был на этом строительстве, основное сооружение уже было подготовлено готово. Строилась приливная отливная плотина на берегу Кольского залива, напротив самого Мурманска.

Вот мы уже и добрались до столицы Кольской замки. Большая фотография на первых полосах нашего фотожурнала рассказывает о мурманском жилищном строительстве. Хотел бы, мы очень разнообразны эти новые дома, но привлекательны и уютны внутри. А Мурманск все время растет. И бурманчанам так же хватает жилья! Не хватало бы, и конечно, и рыбаман. Может быть, и этому пядию — одному из рыбаман с северна «Ларуски», и, вероятно, многим работам, плавающим на кораблях, стоящих в этом рыбаман порту, который вы видите перед собой.

Рыбные парены брод шланцуду,
Ставки плавус угловой
И рыбачки по баланду
Бези парены с голозой.

А теперь шланциду мало,
Пугает как рыбачий дом,
Потому что от причала
Мы в Атлантику идем.

Да, Мурманск — это рыба. Там тралявый и сельдяной флот вместе со всем обслуживающим судами насчитывают около 800 единиц, а работает на них больше 43 тысяч человек. 23 процентов рыбы, ныне добываемой в СССР, дает Мурманск.

Сейчас на траулере «Утство», где капитан Захаря Никомов, молодые ребята сконструировали новый траул, позволяющий сразу поднимать не 10, а 30 тонн рыбы. Этого траулера присвоено звание комсомольско-волеющего.

Но море в Мурманске — это не только рыба. Здесь базируется весь северный арктический флот, и которому и отнесены с совершенно особым чувством, с которым я думаю, начиная от начальной пародозом Ю. Г. Левина и таких прославившихся капитанов, как Б. М. Соколов, и мончая целыми экипажами «Индигирин», отличию по-

названием себе в самое последнее время, а перед этим прославившимся незабываемым походом в Монреаль. Так давно в Монреале заведено — В навигацию первый гости,
Кто прождет океан, не попа на дно,
Золотую получит трость.

Но стои — Дерзко подняты якоря,
Ледяной шестидесят шестой.
Ночь на первое января.

«Индигирин» дышит, как человек,
И не знает, что снова туман
Осушил ее волне порта Кисегро.
Черный детский корабль «Тора Дага»,
Вот об этом походе, о котором я слышал все до мельчайших деталей от самых индигирцев, после того как недавно побывал в Монреале, и взглянул «Взгляду» о том, как шла в Монреаль советская «Индигирка». О том, как у маленького порта Сорель «Индигирка» вырвалась из-за моря «Тора Дага». О том, как

Капитан Панисеанов принял трость.
Встаю, гордость не таю,
«Индигирка» — первый заморский гость —
Мурманчанка — песня моря.

Незамечающий Мурманск — наши верюга в Баренцеву море, в Ледовитый океан, в Атлантику.
Мурманск — это и прославивший себя в боях Северный флот. Недавно при въезде в Северморск установлен 20-метровый аэumont, посвященный героям Северморска.
Мурманск — это столица удивительного и богатейшего края, северозападного края нашей Родины, края нашей комсомольской юности, края моего сердца.

Ветер Хибинской тундры
В исподги рабой,
Госней, бездомный, мудрый.
Наю поднимали с собой.

Было потом другое
За эти тысячи дней —
И само дорожю,
И горше было и злей.

Но нам бы ни было другое —
Пот уже который год
Ветер Хибинской тундры
Понюя мне не дает.

Николай Васильевич Волгуев — один из лучших мастеров школы «Гидра», где крупнейшая на полуострове стада оленей.

Секретарь ЦК Димитровского коммунистического союза молодежи Мишо ЧУНТОВ

ответает на вопросы
журнала «Смена»

КАК ИДЕТ В БОЛГАРИИ ПОДГОТОВКА К IX ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ?

Известно, что в ближайшие году с 26 июля до 6 августа в столице Народной Республики Болгария, городе София, состоится IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов «За солидарность, мир и дружбу». Болгарская молодежь с чувством огромного удовлетворения и радости приняла фестивальную эстафету, с частью пропесенную молодежью мира по стадионам восьми фестивалей.

Болгарская коммунистическая партия и правительство, вся наша общественность и прежде всего молодежь по достоинству оценили это событие.

Еще в марте прошлого года был учрежден Национальный подготовительный комитет под руководством товарища Тодора Живкова, Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Совета Министров. Тогда в своем обращении товарищ Живкова сказал: «Народная Республика Болгария и наша общественность приложат все усилия, чтобы создать наилучшие условия для успешного проведения этой большой встречи послышек молодежи пяти континентов. Мы убеждены, что Софийский фестиваль продемонстрирует единство и силу молодых людей со всех концов нашей планеты, их непоколебимую решимость бороться против империализма, колониализма и неоколониализма, за солидарность, мир и дружбу, за демократию и социальный прогресс!»

Теперь, когда до фестиваля осталось не многим более месяца, мы можем отметить, что подготовка к нему ведется в свой решающий этап.

В самом центре города, на бульваре имени Георгия Раковского, 134, в красном новом здании помещаются Международный и Национальный подготовительные комитеты. Работы молодых людей в этом доме лучше всего могут выразить предельно напряженное, которое каждую минуту по многочисленным и самым разнообразным каналам развивается во все концы планеты. Этот дом как кипучее сердце, в котором удаляются нуды планеты. Он точка, в которой пересекается многочисленные молодежные направления.

Всем хотелось бы перечислить некоторые моменты работы Национального подготовительного комитета. В тесном контакте с Международным подготовительным комитетом была обсуждена и утверждена целостная программа фестиваля. Уже разрабатывали спланированы все мероприятия общей программы по дням и часам. Определены места их проведения. Оценки интересам взаимосвязи торжественного открытия и закрытия фестиваля. Своим масштабам и идейной направленности в них должны быть сохранены традиции предыдущих фестивалей, но вместе с

тем нужно искать и что-то новое, характерное именно для Софийского фестиваля, для стран — хозяек фестиваля.

Известно, что IX Всемирный будет носить ярко выраженный политический характер, связанный с самыми важными, обилием для молодежи всей планеты стремлениями и солидарности: миру, дружбе. Преодолеена широкая программа мероприятий солидарности с народом и молодежью борющегося Вьетнама, Кюичю, богата и культурная и спортивная программа. Будут встречи по интересам, много веселья и развлечений. Мы стараемся сделать так, чтобы каждый участник ушел с собой кусочек доброты, миролюбия и гостеприимства нашего маленького, но прекрасного народа. Мы уверены, что неоглядного болгарского сердца и неоглядного сияющего южного неба Болгария хранит на веки, что только захочет его почувствовать и сохранить как дорогое воспоминание.

В фестивале примут участие 25 тысяч человек — делегаты и гости из 120 стран. Сейчас уже 110 стран подтвердили свою готовность участвовать в фестивале. Фестиваль в Болгарии — большая честь для нашей страны. Тем большая ответственность за успешное выполнение его программ ложится на нас.

Конечно, самую большую роль в подготовке фестиваля играет Димитровский комитет. На прошедшем недавно специальном пленуме ЦК ДКСМ был проведен тщательный анализ болгарской молодежи и встреч с тысячами секретарей со всего мира.

В процессе завершения строительства объектов, предназначенных для фестиваля. В одном из районов столицы уже вырос фестивальным городок с 1170 квартирками. В другой части города среди красной природы поднимался во весь рост две 14-этажных гостиницы. Строится большой спортивный зал «Фестиваль», закрывает чешинский порт, закрывает бассейн, четыре просторных ресторана в фестивальном городке и один в студенческом, где также будут жить гости. Перестраивается Софийский аэропорт, ряд магистральных улиц. Одним словом, София обживает и украшает.

Можно перечислить многие факты, показывающие, что фестиваль уже стал заботой и делом всего народа... И любовью всего народа! Потому что болгары умеют встречать друзей, а особенно когда эти друзья — молодежь и будущее планеты, ее совесть и красота.

Итак, Болгария, болгарская молодежь готова к встрече. Мы ждем и вас, дорогие читатели журнала «Смена». Но так как все равно всем приехать не удастся, то мы призываем вас всех мысленно присоединиться к нам и делами своими поддержать идеи фестиваля.

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАБОТЕ СРЕДИ БОЛГАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ, НАМЧЕННЫЕ XI СЪЕЗДОМ ДКСМ?

Болгарская молодежь, Димитровский комитет за последние месяцы пережили много радостных, волнующих событий. С уверенностью можно сказать, что никогда раньше проблемы молодежи не были объектом столь пристального внимания общественности. В ноябре прошлого года всенародно обсуждались тезисы Первого секретаря ЦК БКП, председателя Совета Министров товарища Тодора Живкова о работе с молодежью и комсомолом. Затем последовали важные решения декабрьского пленума ЦК БКП. И, как известно, состоявшийся в январе этого года XI съезд ДКСМ обсудил и принял широкую программу превращения и жизни вратившей, смелых, инициативных идей, касающихся будущей деятельности Димитровского комсомола, нового этапа его развития, который начался после съезда.

Отя директивным партией и респекта XI съезда и определенное освоение направлений деятельности комсомола в будущем.

Главное в деятельности нашей молодежь организации и сейчас и в будущем — это решительное утверждение комсомола как организации, в которой молодежь может развиваться всесторонне. Как важного фактора нашего общественно-политического развития. Как выражения и наглядности всесторонних интересов и нужд болгарской молодежи. Это влечет за собой существенные изменения в содержании комсомольской работы. Сейчас созданы условия для того, чтобы комсомол стал главным организатором работы в области спорта и туризма, художественной самостоятельности, а работе с диспатризмами и в военно-технической подготовке молодежи. Сейчас всем этап будет направляться главным образом комсомолом. Ему предоставляется материальная база и необходимые кадры. Комсомолу дано право контролировать министерства, государственные и общественные органы и институты в их работе среди молодежи. Это новый момент в нашем общественно-политическом развитии, новое проявление социалистической демократии, выраженные огромного доверия комсомолу и молодежи. При Совете Министров создан Комитет по делам молодежи и спорта — государственно-общественный орган, который будет координировать и направлять деятельность государственных и общественных организаций в работе с молодежью. Председателем Комитета — первый секретарь ЦК ДКСМ товарищ Иван Павлов.

После XI съезда БКП наша страна вступила в новый этап бурного развития социалистической экономики на базе достижений современной науки и техники. Одинадцатый съезд комсомола обсудил программу еще более широкого, более регулярного участия

болгарской молодежи в осуществлении научно-технической революции. Эта гражданская задача открывает возможности творческого проявления талантов, дерзаний и патриотизма молодых болгар. Мы всегда помним великий шаг славного сына болгарского народа Георгия Димитрова — несколько десятилетий спустя, что же другие народы достигли в течение столетий.

XI съезд комсомола подчеркнул, что и в будущем в центре внимания должны стоять вопросы воспитания болгарской молодежи в духе пламенной любви к Родине, воспитания патриотов, строителей новой Болгарии, смелых защитников социалистического Отечества.

Первейший долг комитетов комсомола — сочетать патриотическое воспитание молодежи с воспитанием ее в духе пролетарского интернационализма, в духе дружбы с народами социалистических стран, солидарности с трудящимися всего мира. Основное место в этой работе занимает воспитание чувства глубокой любви и привязанности к Советскому Союзу, к великой партии Ленина, к Ленинскому комсомолу.

Вот совсем коротко некоторые направления нашей будущей работы. Естественно, что программа начертывается XI съездом комсомола, ее решениями партии, номи богаче и разнообразнее.

ЧТО ВЫ ВЫ МОГЛИ КАЗАТЬ О ПУТЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ БОЛГАРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ?

Между Димитровским комсомолом и ВЛКСМ существуют прочные отношения дружбы и братского сотрудничества. Одна из основных наших задач — развивать и укреплять эти взаимоотношения. Мы с глубочайшим уважением относимся к большой роли, которую играет Ленинский комсомол — передовый отряд в международном молодежном движении, к историческому опыту ВЛКСМ, к славным делам советской молодежи.

В 1968 году, кроме обмена официальными делегациями по вопросам, представляющим взаимный интерес, предусматривается и широкое расширение двусторонних связей между организациями комсомольских организаций Болгарии и областными организациями ВЛКСМ. Намечено также активизировать и детскую туристическую группу. Большую популярность приобрели так называемые «поезда дружбы». Этих поездов в Болгарии будет организовано болгаро-советских молодежных лагеря с интересной программой.

Уже второй год существует болгаро-советский клуб молодой творческой интеллигенции. Это прекрасная форма расширения контактов между творческой молодежью обеих стран, и мы всячески будем поощрять работу клуба. Очередное заседание клуба в этом году проходило в СССР в апреле.

Мы уже разрабатываем широкую программу празднования 40-летия Ленинского комсомола. В связи с этим в нашей стране задумано провести много интересных мероприятий.

Наступает славный годовщина нашего старшего брата, Ленинского комсомола в родной и селлах страны состоится торжественные собрания, окружные организации пригладают в гости своих друзей из различных районов Советского Союза, и наши группы пойдут в гости к нашим советским друзьям. В молодежеских клубах будут организованы многочисленные вечера, посвященные советской молодежи в ВЛКСМ. Специальные юбилейные номера готовят молодежные газеты, журналы и журналы. Их специальные корреспонденты уже путешествуют по Советской стране. Скоро начнутся готовит Болгарское радио и телевидение.

Возбуждаем наши связи с советской молодежью и Ленинским комсомолом с каждым днем становится все более тесными и братскими. Для нас так же прочны, как прежде и вечно дружба между народами Болгарии и Советского Союза.

СЕРВИС

Виль ЛИПАТОВ

РАССКАЗ

1.

Борю Колбиковы взяли телку в соседней деревне. Мести она была рыжей, на тулком имелось громадное темное пятно, возле глаза — островок белой шерсти, а рога росли вразночье. В телках рогов у нее, конечно, не было, и когда Рафаил Колбиков вынодил телку из чужого двора, то он, нежно, тепло мямнул, поддал Рафаила под мышку, как ученика, и побоялся за ним резво, как собачонка. Рафаил, который думал, что трехмесячного телка придется на родного дома вытаскивать силой, остановился, почесал нос и сказал:

- Виль какой резавий!
- Ты на это вниманья не деричи,— задумчиво ответил хозяин телка.— Опасность была бы, если бы он родился бычком.
- Это правильно! — согласился Рафаил.— Парни всегда на мать похожи, а девчонки — на отца... А чего же мать-то, корова-то! Шелупунная!
- Урать не буду. Укоиста — это всей деревне на удаление, а вот что шелупунная, то шелупунная... Гулящая она!
- То есть?
- А моста своего не знает.
- Грушча, бы надо...
- Не причунаст!
- Ну, это брахний!

Рафаил всежеле пожал руку хозяину, слегка пошатываясь от магарича, пошел телку обрызгивать березог Оби, что-то напевая про себя и изредка снисходительно улыбаясь.

Настроение у Рафаила было хорошее, а из-за радости телку себя километров меж деревнями они прошли быстро. Однако по родной деревне телок и Рафаил двинулись с остановками. Перво-наперво к ним приступила дед Крылов — он поднимал со скамеечки, на которой сидел, переступая телку и Рафаилу дорогу и стал гладить свою пышную бороду.

— Телок себя со всех сторон оказывай! — удивленно сказал дед Крылов, оглядывая телку и наморщивая лоб.— Задние муслы не сходится, значить, вымелы простор, в грудке широкон, значит, силов в нем много, ноги передние коротки, значит, не пастбы уставать не будет. Ты, Рафаил, себе на заметку возьми, что корова должна оказывать передние ноги короче, а шею подлиннее, что трава потреблялась до самого корня...

Дед Крылов обомел телку кругом и заглянул ему в морду. Глядел он долго, морщась, поспышав носом, затем обомел руками взялся за бороду.

— Ну вот что, Рафаил! — наконец решительно сказал он. — Этот телок шибко себе на уме! Ты глян, как он на мою новую рубашку носится. Что снял, вот что ему завидно...

Рафаил пошел за телком дальше, придерживая его, чтобы не божать перед чужими окнами, а дед Крылов все стоял посередь дороги и громно удивлялся:

— Телок шибко себе на уме! Ох, на уме...
Во второй раз Рафаила и телка остановила баба Сузгинка, багвавшая в магазин за солью, но внезапно купившая ситу и потому задобившая продавщице Дуське рубль всеведьше шесть копеек. Так что баба Сузгинка имела денежное настроение и сразу приступила к делу.
— Ну народ, ну народ! — проговорила она, исплескивая руками.— Никому на ум не придет, а вы продали ли молочка-а! Ну народ пошел! Рубль всеведьше шесть копеек и ты в дог вле выпросишь...

— Пропуст! — марно сказал Рафаил.— Сойди, говорю, с дороги...
— Она что?... Сойди с дороги! Конечно, когда корова поимет, то «Сойди с дороги!» — а когда коровы не было, то все: «Кетва Марья, телка Марья, не продали ли молочка-а! Ну народ пошел! Рубль всеведьше шесть копеек и ты в дог вле выпросишь...

Больше Рафаила и телка никто не останавливал, и они беспрепятственно вошли во двор его дома, где все сверляло новизной и чистотой: и сами дог ограда, и крыльцо, и кором сиденя Рафанова жена (Клэвдия). И совещанной новизной повелю на Рафана от того, как смотрала на него жена. Шест лет они прожили вместе, народили двоих детей, но он еще ни разу не видел в глазах Клэвдия такого странного и потому нового выражения. Она смотрала на него так, словно он вводил во двор на телка, а после иностранной девки, которая предождал Клэвдия немедленно заговорит на французском или каком другом языке.

— Магарич пили,— осторожно сказал Рафаил.— Это тебе не пилы купить, а корову...
— Глядуня моя,— тихо сказала Клэвдия телку,— желтенький бочок, черно пятнышко...

Рисунок Б. АЛМОВА

Широко расставив все четыре ноги, телок с задумчивым видом напился на лугу — звук был тонкий и вострый, как от дождевой струи — потом, ни секунды не колеблясь, подошла к Клавдии и ткнула теплыми губами ей в руки.

— Ишь ты! — отворачиваясь от жены, сказал Рафаил. — Вот что!

— Я же Чернушечкой называю... Ляпушка моя, Чернушечка!

— Хорошо, Чернушка так Чернушкой! — согласился Рафаил, хотя телку справедливее было бы назвать Рыжухой. — Пусть будет по-твоemu.

После этого Рафаил все-таки сел на крыльце, нагнал на себя строгость, то есть свел брови, прожалисься и солидно произнес:

— Ты, Клавдия, женщина работница, старательная, мне тебя не учить, но ты вслыви в заметку, что у Чернушки мать гулящая, шельмунная, а дед Крылов про телка сказал: «Он себе на уме!» К месту его надо приучать, вот что, Клавдия!

— Была нужда... Ты гляди, Рафаилушка, какая она расковая да прекрасничка. Ляпушка моя, слышька моя!

— Ты все-таки поимей в виду, Клавдия!

— Ничего я поиметь не хочу! — сердито ответила жена. — Этот телок — весь мер!

Она оказалась права: на новом месте Чернушка вела себя великолепно. До блеска высобаченная Клавдией, ужоженная и сытая, она с утра до вечера смиренно паслась на заада дома, привязанная длинной веревкой за шею к специально забитому колу. Болтушка из черной муки и мятую картошку Чернушка ела аппетитно, на хвосте гладыла наеся, а вечером в стайку бежала, задрав хвост. В общем, все было прекрасно, и к концу второй недели Клавдия открыто сказала мужу:

— Вот чем ты хорош, что ляпнику умешь напускать! Понятнее этого телка я на свете не видывала, так что дед Крылов пусть прикресте. Нечего ему про нашу Чернушку разные слухи распускать. Ты ему так и скажи, Рафаилушка!

— Ладно, скажун! — ответил Рафаил и спросил: — А где телочек Чернушка?

— А на заада дома. Вот пойдем полюбумся на нашу красавицу. Чернушка, она пошла за дом и Чернушка там не обнаружилась. Кошлык, он торчал, овени, она лежала на земле вся, а вот Чернушки не было, хотя на веревке сохранилась петля, которая раньше охватывала ее длинную шею.

— Ну просто изобретатель! — поразился Рафаил, рассматривая веревку и кошлык. — Может, Клавдия, кто веревку развязал, а потом завязал...

— Ой, побегали, Рафанушка! — расширив глаза, ответила Клавдия. — Ой, побегали Чернушечку искать!

Оставив детей без ужина, а дом без присмотра, Клавдия и Рафаил побегали ни в деревню, а за околицу, по неопытности полагая, что Чернушка соскучилась по родному дому. С километр они бежали вместе, хотя надо было бы разделиться: например, Рафаилу бежать за околицу, а Клавдию остаться в деревне. Но они бежали вместе и наверняка добрались бы до соседней деревни, если бы им на пути не попался мальчишка.

Он катил перед собой обруч от таложного колеса; заведя Клавдию и Рафаила, кругом объехал их, приказ обруч ногой к земле и сказал:

— Дяденька Рафаил, вас у Бондаренко ждут. Сам вашего телка держит, а сама говорит: «Усю муку зьяла!»

Так оно и оказалось: старики Бондаренко обемни руками держал Чернушку за туловище, а старуха Бондаренчиха обходила густо собравшихся соседей, всплескивая руками.

— Старбй-то, старбй-то мне и говорит: «Кабудь у зусеке скребутса мышль! «Яни мышль», — говорю, — когда у зусеке кот злымдом сидит, а крышка так плотне, таке плотна...»

Увидя Клавдию и Рафаила, Чернушка поддала задом так, что дед Бондаренко руни ослабил и утробно оизул, а Чернушка подбежала к Рафану и Клавдию, раскова, как кошка, приналася к их колениям. Морда у нее была белая от муки.

— У район эздун! — сказал старик Бондаренко, потирая подбородок. — Мельник мне сват, так говорю: «Магазина крупчатка кусу не дуят!»

— Усю крупчатку у зусеке зьяла! — подтвердила старуха. — Ну вот усю, как помыла помыла...

— Когда корову унупишь! — подумая, сказал старик Бондаренко, — хоть она и телок, усю денги убьешь... Это мы, Рафаил, поимаме, но усю крупчатку зьяла...

Что старики хотели сказать дальше, так и осталось неизвестным, так как в толпе сочувствующих соседей повисла яед Крылов. Раздвая дикиеим боруды и постуивая палкой, они приблизились к Чернушке, поглядая ей в мучную морду, понимаяоче покачала голову и поманил Рафаила пальцеюм.

— Я к тебе говорю: зот телок सब на ум... Походило, что дед Крылов прав. Когда Клавдия и Рафаил привели Чернушку домой, то она при виде веревки сделалась послушной и сама подошла и вей. После этого Рафаил осторожно сел на землю, почечал нос и, покладывая, в первый раз за все время посмотрел на телку длинным и трезвым взглядом — смотрел дотошно и вглядно, как деревенский ивиль и зредый мужик, как посторонний человек и отец семейства. Потом он, покачивая головой, сказал негромко:

прошу прощения, но что тут есть, начальник? Или вот председатель Иван Иванович, человек, которого обменяли, или вот товарищ участковый Анискин, который при нагана, или вот ты, товарищ Колобоков, который хозяин телки, что покуда увела...

— Сидор, — кристал и записывая, сказал Рафаил. — Ты, Сидор...
— Ишло что Сидору в сердце светила пасту. — Ежелишь в тебе поручи народ на поиски поднимать, то это не означает, что ты должен председателем и участковым командовать... Ты лучше стадо ищи с твоей прокладкой телкой...

— Не надо стоить искать! — вдруг сказал участковый Анискин. И без того толстый, он, чтобы не рассмеяться, надавал губы и казался лицом от этого еще толще. — Не надо!

— Как так!
— А так, что возвращается стадо... Ох, штрафану я тебя за газетки, Сидор...

И на проселочной дороге раздался хохот: смеялся председатель Иван Иванович, не смеялся, а точно как участковый, по-стариковски изжил дед Крылов, и хохотал счастливый Рафаил.

Стало действительно асфальтовое. Из-за крупных берез, из-за синевы обской, что маячила меж березами, по-колхозному грациозно выходила Чернушка — голова поднята, хвост крочком, рыжие пламя заливаю бочка. За ней шли крупные коровы, а первой шла за Чернушкой корова самого председателя Ивана Ивановича.

— Ишь ты! — сказали они.

Корова участкового упоминанием шла пятаю.

— Перемяется — мука будет! — после длинной паузы со вздохом замятел дед Крылов. — Ты теперь, Рафаил, надежду держи на эту. Сколько раз бывало, что когда вывозились, из-за крупных берез, из-за синевы обской, что маячила меж березами, по-колхозному грациозно выходила Чернушка — голова поднята, хвост крочком, рыжие пламя заливаю бочка. За ней шли крупные коровы, а первой шла за Чернушкой корова самого председателя Ивана Ивановича.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

— Ишь ты! — сказали они.

гах, за которыми они оба в прошлые годы исправили следы, а принимаем в жизни и приучаю Чернушку. Чем длиннее становился день, чем теплее ночью селились над деревней, там чаще из стайки доносило трубное мычание — веселье и призыв были в нем, томление и нега, ликование и утрата.

В первый раз Чернушка закричала на рассвете, часов в пять, когда апрельское небо отливало сиренью, а сквозь толстые шторы комнаты просвечивала большая утренняя звезда, золотая и сладкая. Клавдия и Рафаил от крика проснулись, увидели сиреневое небо и зеленую звезду и долго-долго лежали неподвижно. Потом Рафаил прижился головой к гладкому и теплому плечу Клавдии, потерся об него глазом.

— Звезда-то, звезда-то, как живая! — сказал он.

Чернушка промывала три раза, затихла, тишина возилась под потолком вместе с томлением, потом возникла новая звезда — низкая и протяжная. Сидела Клавдия и Рафаил не помнил, что это такое, затем все стало ясным: это ревел на колхозной ферме племенной бык Черномор. Он промывал три раза — и началось: в дверях и на стайках деревни одна за другой подавали голоса коровы — басистые, писклявые, надменные, дребезжащие. Все началось над деревней, потом над фермой, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

После длинных майских праздников, а тот день, когда Оба начали скиматься в разлив, обняв залитые воды, в тот день, когда дед Крылов на рассвете вышел на берег реки и, нюхнув воздух, проборотал про себя: «Тут уж в самый раз!» — в тот самый день, когда пастух Сидор купил для стада овца, которую бегуны приваляжили, когда затлило, то тишины уже не было. Скрипяли пружинные матрасы и доски кроватей, хлопали двери, гремели занесены и печек — это поднимались бабы.

— Давей и мы вставать! — сказала Клавдия. — Чего уж тепер...

Девушки независимой Мальты.

ФОТО В. ПОНКИНА

**МИР
МОЛОДОСТИ**

**В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ**

«ЗДРАВСТВУЙ, ВЕРОНИКА!»

Все началось с заметки, напечатанной в седьмом номере журнала «Смена» в апреле 1960 года. Петр Дмитриевич Золотин, просматривая журнал, обратил внимание на заметку под заголовком «Кде вы, родиме Владимира Рагмислава». Вернее, это была не заметка, а письмо чехословацкой девушки. Она писала о том, что ухаживает за могилкой советского солдата Владимира Рагмислава и хочет найти его родных. Сообщала свой адрес: Вероника Яновна Шарцова, город Юр при Братиславе, Чехословакия.

Петр Дмитриевич не знал солдата, погибшего вдали от Родины, ничем не мог помочь этой девушке, но ему захотелось поблагодарить ее за такую трогательную заботу, за любовь и советским людям.

Он послал Веронике письмо и вскоре получил от нее ответ: «Уважаемый товарищ Золотин! Сообщаю Вам, что и в будущем буду заботиться о могиле. Я очень хорошо знаю, что если не было бы этих великих жертв, не было бы нашей свободы, нашей жизни. Когда приношу цветы на могилу, мне кажется, что цветы не только для незнамого бойца, а для всех павших в нашей стране советских людей. Я очень люблю русского человека, Россию, Любю и Советскому Союзу и училась уже с младенческого возраста».

В письме Вероника рассказала о том, что ее отец участвовал в подпольном революционном движении и погиб во время Словацкого национального восстания. Носорожденная девушка вместе с матерью в течение тридцати месяцев находилась в застенках гестапо и только чудом осталась жива.

После освобождения Чехословакии от фашистских оккупантов Вероника окончила философский факультет университета в Братиславе и сейчас работает в своем родном городе Юре научным сотрудником местного музея.

Теперь началась эта переписка. Вероника откровенно, по-дружески делится своими мыслями с новым другом. А однажды она прислала вот какое письмо.

«Знаете, уважаемый Петр Дмитриевич, мне всегда очень хотелось, чтобы у меня был папа... И мне кажется, что мой отец жив, и он теперь живет в другом городе (Дмитрове), и зовет его Петр Дмитриевич...»

Что на это можно было ответить, поймет каждый. Так у Петра Дмитриевича появилась дочь.

Вероника не ошиблась, назвав своим отцом этого человека. Ветеран труда, награжденный орденом Ленина, Петр Дмитриевич Золотин полвека проработал электромехаником в Дмитровском районном узле связи и сейчас, уйдя на пенсию, продолжает активно участвовать в общественной жизни, охотно передает свой многолетний опыт молодым связистам, помогает воспринять достойную судьбу.

Летом 1962 года Вероника Шарцова приехала в Советский Союз с группой туристов. Семья Золотиных встретила Веронику как родную.

А потом по приглашению Вероники Петр Дмитриевич побывал на ее родине. Поездка эта оставила у Петра Дмитриевича неизгладимое впечатление.

Равным утром поезд «Москва—Прага» прибыл на станцию Жилин. Здесь надо было сделать переводку, чтобы доехать до Братиславы и встретиться с Вероникой. Петр Дмитриевич был в затруднении, боясь, что не сумеет добраться. И тут ему помогли соседи по вагону. Узнав, кто он, зачем и куда едет, они все ему объяснили, а один из попутчиков заявил, что он, как и Вероника, живет в городе Юре и проводит советского гостя прямо до дома, где живет семья Шарцовых.

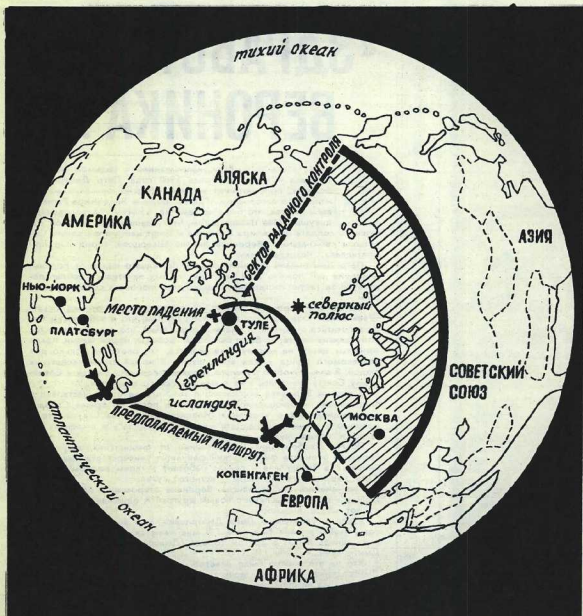
Недалеко гости Петр Дмитриевич с семьей Вероники. Позналикомился с ее матерью, с родственниками и сослуживцами. Словацкий друг-законник Петру Дмитриевичу Музару В. И. Левина в Братиславе.

Вместе с Вероникой они навестили могилу Владимира Рагмислава. Долго сидели здесь на скамье, возле березки и дуба, посаженных местными жителями. Вероника читала стихи чехословацкого поэта Штирницкого, посвященные бессмертному подвигу советских воинов. Много незабываемых встреч было у Петра Дмитриевича на чехословацкой земле. Обо всем и не рассказавши. Но ведь, узнав, что он советский человек, его встречали с искренним радушием и уважением. Всегда он чувствовал тепло дружеских сердец.

Почтальоны по-прежнему часто приносят Петру Дмитриевичу Золотину весточки из Чехословакии от Вероники, от его новых друзей, а из подмосковного города Дмитрова идут ответные письма в город Юр при Братиславе, которые начинаются словами: «Здравствуй, дорогая моя дочка Вероника...»

Ю. БАБАКИН,
заместитель редактора
газеты «Путь Ильича»

г. Дмитров,
Московской области

«..ястребы» кружат над землей

ПЕШНО О КАТАСТРОФЕ

Это было в марте 1966 года. Я везу в гостилицу «Юность» к своему другу, только что приехавшему из США, Оливу Райану из американских «Клубов Дюбуа». Сели сидеть на кровати, заваленной сложными газетами и журналами. Он смурно посмотрел на меня.

— Что с тобой, старина? — спросил я. — Смотря, солнце какое! Весна!

Отив показал мне снимок из «Юмнитет» — ряды железных бочек. Бочки с радиоактивной землей, собранной на полях у маленькой испанской деревушки Паломарес, где 17 января 1966 года разбился американский бомбардировщик «В-52» с грузом ядерных бомб на борту. — Они там, в Паломаресе, тоже ждали весны, — сказал Отив. — А теперь у них нет даже земли. И так везде, где появляются капли «медных каски»...

Он взял гитару и тихо, немелким хриповатым голосом ваял песню о пилоте, который летит над землей с ядерными бомбами и ракетам, подвешенными под крылом:

Я иду напролом
через хрупкую землю
У меня под крылом
пыльсает Хиросим.

У меня под руком
Архимадов рычат,
я могу жить сейчас
Мировую...

Опрокинь планету...
Бе не спасти...
Ничего не останется, кроме
пустынь...

Каждый день эта пытка.
Каждый день этот ад.
И не знаешь, вернешься ли снова
назад.

И вернешь ли на базу —
на склад или слом —
пыльсает Хиросим,
что висит под крылом...

Я записал эту песню. Даже перевел ее на русский. А потом забыл. И вспоминал снова только недавно — когда 21 января этого года Паломарес повторился у берегов Гренландии.

«СЛОМАННАЯ СТРЕЛА»

Рано утром с авиабазы Платсбург, штат Нью-Йорк, в воздух поднялся бомбардировщик «В-52» «Стрелогорстес». Полет был обычным. Ужикнул под командованием капитана Кортиса Криса уже не раз при-

ходилось летать в район авиабазы Туле, что расположена у самого начала Северной Звезды в Гренландии. Как всегда, экипаж подняли по тревоге. Через десять минут они уже были в воздухе. У ног Кортиса в черном портфеле из толстой кожи, напоминавшем чем-то коржовой чехол, лежал план операции. Он знал его наизусть. В верхнем углу плотного листа с гербом стратегического авиационного командования (САК) ВВС США — авиаконанья (железную перчатку рука с пучком стрел — над красной чертой черными буквами граф «Совершенно секретно»).

У экипажа было две задачи. Первая — провести проверку готовности radarной системы радиоопознания на базе ВВС США в Туле. Вторую следовало выполнять только в случае, если в той точке, которую пилоты САК между собой называют простым словом «тоу!» («тош!»), будет получен зашифрованный приказ президента — «Продолжайте полет к заранее намеченной цели». На северной карте черным портфелем эта цель была помечена красным кружком на территории Советского Союза. Именно там в случае войны должны были упасть те четыре ядерные бомбы, которые изгружали в бомболюк. Каждая из них по своей мощности превосходит все когда-либо сброшенные на землю бомбы, вместе взятые.

Бомбардировщик Кортиса не долетел до Туле, где он планировал совершить аварийную посадку, рухнуть и слететь. Все экипаж, кроме человека выскочившего с парашютом. Второй пилот, капитан Лишард Сэнтоу, погиб. Остальные живы. На месте катастрофы поисковая группа нашла осколки бомб и четыре парашюта для сброса ядерного груза. Счетчик Гейгера показывал, что уровень радиоактивности в этом месте резко подскочил вверх.

На Туле на авиабазе Оффуд, где расположен подземный командный пункт САК, была передана срочная радиопрограмма «У нас «сломанная стрела». На языке САК это означает «атомная катастрофа».

В длинном ряду пультах вспыхнули и послышались замочки, приняв, зарегистрировав и отправив дальше поступившую информацию. На пульте с надписью «Момент опасности» значилось 000. Дежурный офицер подполка и планшету, на котором распластан и нарисован маршрут полетов бомбардировщиков САК, и в район баз США. Вследом вспыхнул аэровокзал красной огнет...

Через несколько минут о катастрофе болтали в Вашингтоне. Посетивший Дюмонсу уже не впервые приходилось выслушивать рапорты своих военачальников о ядерных катастрофах...

«Д-Паломарес», — пишет западногерманский журнал «Шпигель», — было зарегистрировано 11 подобных случаев. Незарегистрированных тогда было больше.

В 1957 году бомбардировщик САК «В-47» с атомными бомбами на борту рухнул на землю при взлете с американской авиабазы Сент-Мари (Марокко). Перчаточный ящик одной из бомб взорвался, и мельчайшие «частички» plutония рассеялись по ветру.

В феврале 1958 года над штатом Джорджия «В-47» столкнулся в воздухе с истребителем. Бомбардировщик с трудом достиг до базы, сбросил осколки атомных бомб в реку. Бомбу так и не нашли.

В марте того же года на одном из

Схема патрулирования американского бомбардировщика «В-52», опубликованная в итальянском журнале «Еуропа».

«В-47» сломался бомбардирователь. Отсек открылся, и бомба ушла по двор дома железнодорожника Валтера Грента на Марс-Виафф в Юнона-Воллина. Дом Грента развалился, как помпидо. От взрыва детонатора образовался воронка в семь метров глубиной и диаметром в семнадцать.

В ноябре того же года такой же бомбардировщик атаковал бомбик на борту разбился при взлете на аэродроме в Техасе.

В 1969 году сигнал «Сююманная стража» подавался дважды — в июне и октябре.

В конце 1960 года на вооружение поступили всемирноизвестные стратегические бомбардировщики «В-52» — гигантские «ядерные гробы», как окрестила их американская пресса. Оверлетта метко. Уже 24 января 1961 года первый такой «гроб» развалился в воздухе над авиабазой Саймюр-Джонсон, штат Северная Каролина. Одна из четырех подвешенных к бомбардировщику ядерных бомб выпало из отсека, осталась на парашюте. Остальные три ушли менее удачно и развалились на части. Расследование показало, что на одной из бомб были из шести вышедших предохраниителей на работающую и только последний предотвратил взрыв, последствия которого были бы непомерны катастрофическими. Саймюр-Джонсон мог стать синонимом слова «Хиросима», только было бы страшным, ибо бомбы, упавшие рядом с этой базой, имели мощность по 25 мегатонн каждая.

По крайней мере еще одна такая катастрофа произошла в США в январе 1964 году. Два самолета отключились в 1965 году.

После Наломареса случилась катастрофа продолжалась. В августе 1966 года у побережья Пуэрто-Рико бомбардировщик САК потерпел авиационную бомбу. Водолазы глубоко подняли ее из океанских глубин. 18 декабря того же года в штате Индиана разбился новейший стратегический бомбардировщик «В-54» с ядерной бомбой на борту.

Далеко не обо все катастрофах мы знаем. Пентагон признается в своих провалах, только иногда скрывает случившееся невозможно. Но даже по тому, что уже опубликовано в иностранной печати, можно представить, как действует гигантская ракетно-ядерная машина США и какую опасность для самой жизни на земле она представляет.

В ГИГАНТСКОМ ВОЗДУШНОМ

В 1961 году в штабе САК была разработана программа боевого дежурства в воздухе. Дежурство с ядерным оружием на борту. Поначалу дежурство это окрестили «Хромыми кучками». Затем, после Наломареса, полеты «ядерных гробов» проходились под водонепроницаемым «Игнитационное колесо». Суть дежурства не изменилась. Почти не изменились маршруты полетов. Один из них («южная») проходит через Атлантику, Испанию, Средиземное море и обратно в США. Другой («северный») — вдоль берегов Канады, Гренландии, через Северный полюс и Аляску. И на том и на другом маршруте приближение к границам СССР максимальное.

«Игнитационное колесо» крутится круглосуточно. Одновременно на маршрутах может находиться до сотни бомбардировщиков. Особенно во время воздушных учений САК. В 1962 году, в самый разгар кубинского кризиса, тогдашний командующий САК генерал Пауэр, известный «культура» и ядерный маньяк, поднял в воздух полсотню стратегических бомбардировщиков США, даже не поставив об этом в известность президента Кеннеди. Около 300 самолетов с ядерными бомбами носили над океанами. И буквально в последний момент, уже при подходе к границам СССР, летчики узнали, что это не война, а обычная «учебная тревога».

Полет одного «В-52» продолжается обычно сутки. За это время в воздухе самолет дважды дозавраливается. Пролетает три сложная, требующая от пилотов высокого мастерства и железных нервов. Как видно, не все асы САК этими катаментами обладают, ибо большинство катастроф произошло на маршрутах «Игнитационного колеса» именно при столкновении заправщиков «KC-135» с «В-52». Так было над Паломаресом.

Но не только по «Игнитационному колесу» путешествуют «ядерные гробы» САК. Они появляются и над Тихим океаном и над Индийским. Последние сообщения американской печати говорят о том, что САК чуть ли не каждую ночь проводит «учебные бомбометания» (без сбрасывания бомб) над крупнейшими городами США. Не исключено, что такого же рода операции проводятся над Англией, ФРГ и Австралией.

«Игнитационное колесо» — это только часть той машины, которую составляет постоянно работающий Центр военного командования в Пентагоне, описанный журналом «Шпигель». Остальные ее «колеса» не менее опасны. И не случайно даже в справочнике американской Комиссии по атомной энергии можно найти такое признание: «Несмотря на все меры предосторожности, всегда существует возможность, что в результате неблагоприятного стечения обстоятельств возникнет непреднамеренный взрыв. Пока существует атомное оружие, не может быть абсолютной и неограниченной гарантии».

Люди с тревогой смотрят в небо, взрывное болелье плащам американских бомбардировщиков. И спрашивают: «Вчера Наломарес. Сегодня Гренландия. А завтра?». Смотрят на искореженную пылающим землем, на землю, зараженную люцигенным излучением, содрогнувшись с ужасом, как кожа ожомом. Глядя на морщине воли океана, люди вспоминают о катастрофе в Гренландии, о радиации, которую отпустил отключившийся бомбардировщик. Люди тивнево сжимают кулаки. И говорят: «Нет!» И тогда прохлодит по улицам европейских и азиатских городов колоном демонстраций. И слышноем звучит песня борьбы. И слышат они взорочет в джунглях непроходимых амазонских «умиротворителей» — инки. А в самой Индии — инки. А в самой Индии — инки.

Против этих парущих и давящих тысячам демонстраций шикетрият Пентагона и те базы, с которых поднимаются «ядерные гробы». Прессе этих парущих и давящих тысячам даже сквозоз многометровые бетонные настелы, под которыми укрыты военные штабы и командные пункты. Он настелы задухиваются на меру ретных «ястребов». Конечно, пентагонские «ястребы» никогда не прислушивались в голосу своего народа. И не останавливаы бы их преступные планы только колонны демонстраций. Но они знают, что в миллионголосе «Нет!», которое говорит все народы планеты, звучит молчаливый голос Советского Союза.

Кастусь КОСТИН

13 НОВЫХ СТРОФ

Черемуха

Продуют на базаре черемуху,
Белым огнем солженину,—
и очередь огромная
за крытыми зелеными
в пучке, перетнутом
обгорыной бечевой,
несет
домой
девочка.
[Несет себе
черемуху
в тоненьких рукав,
несет себе
сторонку
на длинных каблучках]
— В детстве по Бабыну острову,

маленькой,
с желтым челюком,
с мальчишним-подростковым
лохия в по черемуху—
С синими глазами,
с руками опущенными,
на деревянном базаре
продавала мы ее
кружками...
—на лавках узких и хромых,
высоких и низеньких,
—где обычно
торговали черемухой
и
говорили
о хлебе!

Я открываю то, чего не знает
никто, чего не знает и сам
нашем разгадку только вот...

Смотрите!

Еще, как волна, мысль глотает
но чувство, как тугое полотие,
поймаю ветер
и толкает лодку...

И за морями белый след от весны
и мертвые мыслы падают рыбой,
как водородом йодом, как волна,
густая и скользкая, музуют...

Прости, береговья поносил
И ты, слыша, освещая от солнца!

Я не вернусь теперь к изрыбному
накамням,
где одиночные ютятся крабы.

И где в песне голубая вода.
Прощай, моя недавняя граница,
очерченная мне судьбой и морем,
я слышноем долго сравнявая стезию
с небитым паровозным разведкой.
Лешком бровью, как большие рыбы,
как веслами с утра плаваю море,
и не хотела вовсе лавать мною
недалеко занутивта голосу.

Я поугулаю сбыва в воду гур,
мамаю в волнах поплыв по плечам,

вспомня, ирму: «Этой!» — слыша
голос—
Прощай, страна открытых побережий
и парусник, что на валех зеленых
еще стоит.

как будто бы свирочили
на родине моей в зеленых суках...
Теперь пойду я, почему немцам
шанна тоскино, как ребенок, плачет,
глядя в горы, черезд залью, далеко
на белые громады горобос!

Я, как и он, наверно, затуток, я,
как и он, приду смотреть на
здальню,
храня любовь к чужой и непонятной,
манящей и пугающей земле...
И долго буду сравнивать в море
теперь с зелеными глазами немца,
и долге будет о нем, как сердце,
тоняться глухо теплая вода...

Я открываю то, чего не знает
никто, чего не знает я сам... Вот море
но не вернется к берегу, где камнем
еще хранит слезы меду и детства
и где в песне и водородист желтых
кристибогате оседает соль...

Рисунки Е. КУЗЬМИНИНА

В. БОЛЬШАКОВ

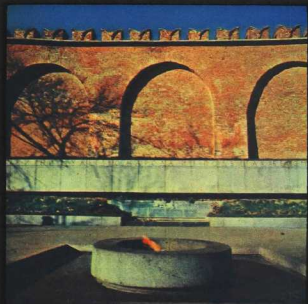
Евгений ОСЕТРОВ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Мир вам, села моей земли, просыпающиеся на рассвете...
 Мир вам, города моей земли, чьи названия звучат глубочайшей исторической поэзией...
 Когда мы говорим «Господин Великий Новгород», то перед глазами возникают эпизоды ближних и дальних эпох, и сердце наполняется гордой восторженностью. Я гляжу на полыхающий Вечный огонь у старейшей новгородской стены, зажженный во славу и память тех, кто сложил головы за свой народ в минувшей войне, а в ушах слышится звон вечного колокола, сзывавшего на рать здешнюю волиницу, и зримо вижу Александра Невского, провозгласившего на века: «Кто к нам с мечом придет, от ме-

ЖИВОЕ БЫКЛОЕ

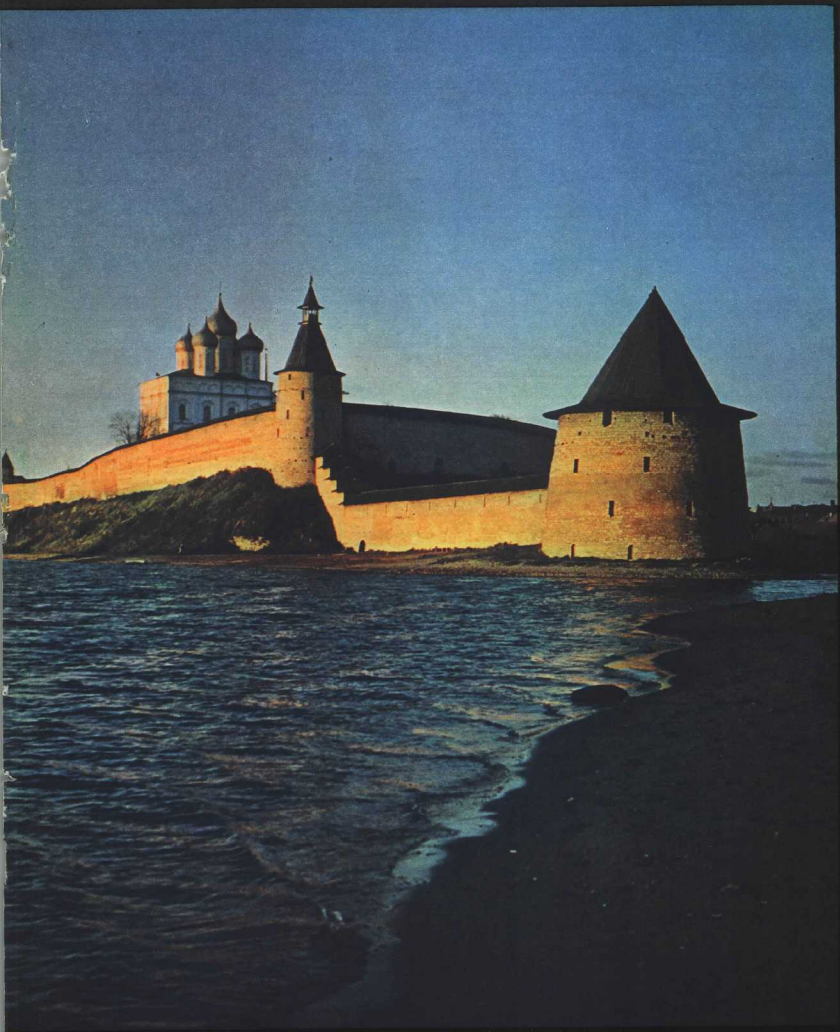

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ В НОВГОРОДЕ

УГЛОВАЯ БАШНЯ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Владимир ШЛЕНСКИЙ

КНИЖИ

Книж, Закат.
И облека чуть-чуть подраивает,
Вот появилась и луна,
Она вникла на самом краешке.
День гаснет.
И непокоя с ним переставом распростились.
Разным старинным куполом
Древля и ветра приписались.
Свет купола...
Их этот сон к началу жизни возвращает.
В них бродит древней глупий
целый резной заветный сок,
Роса на маяках древоит.
Зарю туманы занавесил.
Название странное — Книж.
Четыре буквы, а — Поэзия...

ПЕСКОВ

Я брону адыр перелеток гулики,
вглядываясь в купола церквей.
Песок, как музыкальная штукалка,
ты к нему прислушался скорей...
Слышал, тунил колокол огромный,
а теперь заговорил другой!
Плавил солнце перелеток церковный,
ищет в небе радугу-другую...
И летит мелодия сказов джуги,
и умелечек прославляет труд.
Это музыкальный слух народа.
Глинка и Чайковский в нем ючатся—
Облетела в церковь штукалка,
трещит, что мушкетир у станички.
Песок, как музыкальная штукалка.
Слушай, это музыка веков...

ПОЛУСТАНОК

Где-то на далеком полустанке
За дождем — ни зги, ни огоньки.
Полночь отравлена в стакане
Склизмы усам старика.

Чу, гудок — за подем и за лесом,
Яростно свет стучит к нему в окно...
— Что за поезд! Мычitis, слышно!
Вроде быт такого не должно
Может, изменилось распписание!
И к чему бы это Неспроста...

Но как раз на этом полустанке
Тихо останновились состав,
И гудок пронзительно и смело
Прощинит парам наростам:

— Я пришел сказать тебе «спасибо»
За Калуху и за Кенгсберг,
Я пришел сказать тебе «спасибо»
За огни у света на краю,
За мечту, за правду, за Россию,
Радостную, светлую — твою...

Валерий КРАСКО

Мне в дороге, Шалапы, лесами
Продолжай свой бесконечный бег.
До свиданья, тихий полустанок!
До свиданья, старый человек!
До свиданья!..

Вспышки грозные
Озарили первобытный лес.
Мчится полустанками Россия
Ветру и дождю наперез.

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ

Была же и у предков хватка.
Как взглянешь — шапка забекрень —
Свободно высится,
крылато
Над крутотором древний Кремль.
Степ белых с башнями паренье —
Оно воздушное почти,
Как гонимый и тосканный,
Извняное из кости.
Их не строгит,
не стропиты,

Федор ЧУРСИН
г. Тюмень

Если смотреть из-под кулака,
Путь возле них звалася крапива,
Они красным и легким,
В их мастер жюж,
не позоронен
Талант,
уверенный в мечте:
То, что служило обороне,
Еще послужит красоте.

Лена НЕСТЕРОВА
г. Ростов

ЛЕНА

Покажется по вобу лето,
Зеленое и желтое —
Лыется ладное моя Лена
По высокой стеной траве.

СЕВЕР

Стальные реки. Сити. Саги.
Сутробы. Слопоки. Снега.
И мягкость — лубочные сани.
И строгость — черная тайга.

Горят озера, как лампады,
Средь серокаменных верег.
И на замерзшем водоладе
Сверкуют ила: Эвандр Гринг.

И лесичек грохочут громы,
И содрогается земля:
Все пролетают таица гномы
В вечере темной юности.

И мет россы, словно стяти
В редкие древние века,
Когда отгорали в Русь варяги,
Как валуны из ледника.

И в снежно-каменной пустыне
Спились на краеве бития
В единый лик Москва Россия.
И Север — молодость моя!

Николай КАРПОВ

СМОЛЕНЩИНА

По западу России залога
Смоленщина — злогова слава.
В ней вязын стрельы, копий и мечей.
Кто с ними шел, — в сырлой зыме
молчиц.

Летели стрелы острые в висок.
А стали стрелы столбаны эски.
Раскряпали копья плоть эски.
Еловым носом копыя проросли.

Мечи урубали в грудь по рукояти.
Крестами в волне тела мечам стояли.

И если от сева и до сева
Тревогу пронесут копыла,
Еловый лес — из черных копий лес —
Богатыри возмут наперек!

Имя, имя — рева моя звонкая.
Все искривил в мой гоним,
Звала Ленкой меня девочкой,
Парис — Леночкой — милогда.

А в лесу, высоком, зеленом,
Там, где слово громче всего,
Напылю на меня:
Эхом мяеня твою.

КА-ВБ-НА-А-В-А-В
Плещет, плещет волною имя
Твое, Сибирский, Лена под степь Лены,
Быть им доплитым танким,
чтобы имя не расплещал.

Чтоб волна отплывала красками
И летели этипыла из дню.
Все Елены быльа прекрасными
Прю плохих заблыва даню.

На травинках бегает росинка.
Мир просветляется до дню.
И дождиком дует Россия
Очень щедрыми мяеня.

ча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская.

Не бывает такого месяца, когда бы я не скондил поклониться стенам Московского Кремля...
Два-три раза в году совершаю жогдения привычным родеим путем: Ростов Великий, Ярославль, Мострома, Красное-на-Волге, Плес; во Владимире, Судздале, Мстере, Юрья-Польском, Муроме, Мелехове, Судздале в свой челоовек — много друзей среди народных художников — ининаторство, златокузница, резчик во камню и дереву, Влюблен в бесконечные северные леса и полностью разделяю мнение нашего духовного наставника Сергея Тимофеевича Конюшова, замечательного однокласса в разговоре со мной, что деревенный Онежский ансамбль на Онеге — гениальное творение великого зодчего, ина историко — Нерод. Отыла Конюшова — имеет особую ценность, ибо основной материал скульптура — дерево.

И старым художественным гледам влечет меня к празднику любопытство. Позволе себе порассуждать о старине и юности.

Стоит ли перечитывать старые летописи, рассматривать почерневшие от времени фрески в давно заброшенных церквах, просматривать инвентарный азор за великой лентой ораментов, высеченной на древнем камне! Какой смысл сохранять бревенчатые избы, домотопские полати, расшитые красными нитями! — Показав не подобен беглому-однодневному, асело порхающей на солнце, не знающей о том, что было вчера и что ей случит завтра. Челоовек наделен призванием к бесконечности — в его судьбе слияются в единый уду былье, нынешнее и завтрашнее. Челоовек — слаг своего времени и своей страны, а чувство родным неотделимо от

чувства прошлого. Для того, чтобы уповить луч, направленный вперед, надо поглядеть назад. Не случайно в годины военных изолетий люди обращаются к героическим страницам своей истории, ищат в прошлом поддержку, ответы на вопросы современности.

В соран первом году, когда фашистские бронированные чудовище погнали в Москуе, Алексеевской и героическим словом, исполненным глубокого смысла: «Родина — это доверие народа по своему змале из глубины веков к желанному будущему». Недаром правду лпел волшебную сурду — выдворил, недаром его бродячие сказки пели и плакали под солнцем на весенних берегах, недаром московские люди сжигали по вечерам при восковой свече над кинжалами, а ныне, как неустойкой протопил Алавуку, — в диле, в Пустозабии, и размышляли о правде челоковской и замывали уставом и поупуством мямис люди. Недаром буйная казачья волница разметывала переизбитой споме сил в набегих и битвах, недаром старухи — задорными и бродящие между двора старички за молот и помощь тебе расказывали волшебные сказки, — все, все, все искра творческая, страшная, азысующая душа народа русского наша отражение в нашем искусстве...

К этим словам мне хочется добавить: родословное древо знания не только сложными корнями уходит в цивилизованную тощи; стонет; эти корни питались таким глубочайшим, подыманным сокам, что не видны невооруженному глазу. Потребовалась работа не одного поколения ученых, художников-реставраторов, собирателей-композиторов и знатоков, чтобы подорожные для того, чтобы притраивалась завеса времени. В нами

дня [для многих неожиданно-негаданно!] художественные явления средних веков — произведения живописи, музыки, архитектуры — стали живой и яркой действительностью, в бурных ритмах космического века плавно заучили ритмы древнерусского искусства, а краски, которыми вчера еще представлялись нобелизм, становятся цветом, светом и воздухом современности.

Любить свое искусство — значит последовать всю красоту жизни, ее славу, свет разная предков, прекрасные радости, наполняющие душу челокова, на лице которого свет зарн юного зора. В природе все прекрасно: и плывущие по небу облака, и березки, вымучающиеся с травой, и суровая северная ель, и лишаинки, карабкающийся свехр по склону каменного откоса... Но что момент по юности, прелести и озаренности сравнится с войной! Волнующим ветром, коллы, отражающие в себе зеленое и голубое, — жизнь. Ты думал я, когда на деревенском паруснике плыл по рывоватым просторам Онежского озера. Оно авинко к себе прозрачностью и глубиной, я испомнил, что в старину считали воду плодотворнейшей, целебной, очистительной, вещей силой. Когда при гадении князи башуби, бывшие еще илордичами, смотрелись в зеркало, надеясь увидеть в нем сурного, то это был модернизированный временем обычай исприваить будущее у воды.

Озеро мянило свои краски. Сначала, когда распустился едва испукину над врой крошечкой, вода была томяно-томяной, ила ила ила ила ила ила. Потом цвет озера стал оловянными; когда же лучи солнца заиграли на нашем парусе, вода повелась свельностью, заколебавшись, словно в танце, стала теплой по сырми оттенкам, мявнннчей и себе. Ну да я еду!

ЗА СКАЗКОЙ

Заснул я по русской сказке,
По ее мудреным словам:
Лесник несёт стрелы,
И в пласке
Шенковиста тетяна.

Ничего-то мне больше не надо.
Спать толстые нити ластяг.
Дай мне, тетенька,
Сказки на дом,—
Да дочке их почитать.

Ну, а дочке
Нет и годочка.
Я купил ей куку, коня...

Разве знает куку,
Что дочка
И без сказок любит меня!

Я поеду в деревню за сказками
Где веселая пестрячка
Мне расскажет
Про Синеглазку,
Про Иванушку-дурачка.

Ах, какие дороги трясинные,
Ах, как знобит струи ключа...
Заснул я по русской сказке,
По волшебному заснулу.

У НЕПРАВДЫ-РЕКИ

На Куниково поле
От сияния света.
За рекою Неправдой
Соловьи поют.
Еще сошпаны нет,
А вокруг распыло,
Утро в ведра стучит —
Крыстьяне вставот.

Сельский сторож спускается с
калашич,
Свет в окошке:
Старуха готовит еду.
И забывает пугать жукарку
Кричит,
Как горластый монах,
Увидывая орду.

Обожди, красногрудый,
замолчи,
Не пойд!
Тишина разлилась волшебством
по округе:
Тихо пробует стража
Князь Димитрий Донской,
Слышншь цоколет копыт,
Слышншь шорох чопчуки!

Это кровь смелых предков
Во мне горит,
Слезы вдов на лугу,
А не туманы росы.
Но приглушася:
Где-то поют косяри,
Приврат знобит брусом
ошелевшие кося.

И идет по путям камышовый
расцвет.
Только шепот травы,
Только синий туман.
Где-то птица зовот:
Не пропускаясь:
И кукушка в кустах снова
сходит с ума.

И туман ую спал с золотых
зеленой,
За Неправдой проснулось,
Загудело село.
И трясется пелена на заросшем
плетне,
Словно ком-то забытое
Рассисное седло.

ОСТРОВ БУЯН

Детство занято—детство дуодчик
Вырезает из тростника
Ну, а что ожидает в будущем,
Все известно наварянка.

Я глажу в него вызывающе,
Не болеть мне там, не стареть.
Взду жить себе привычно:
Да вот дуодчик мастерить—
Для стачливых—за «что положить»,
Бедолагам—за «теки отдаля».

— Мама, мама! По плянку—ноники!
Половина в крови... Беда!
Мама слышит, у мамы загода
Приготовила такой востой...
Мама зывает старинный заговор.
— Ты не плачь,—говорит,—постой...

И светлым-светлым ослепаются,
Родников звезда, слова,
Моя вена уже сливаются,
И в ее подол—голова...

«На море — на окияне,
На острове Буюме
Лежит бел плат,

На том белом платце
Сидят три красивые девицы —
Шмот-пошншат
Разными шелками:
Одна — от ууса,
Другая — от гораза,
Третья — от дурного.
Ника ривка —
Кровь заговорно...
На море — на окияне...

Плавно, медленно, сповню мальница
Воду пилками ворочает,
Ой, спасибо вам, красивые девицы!
Кровь не капает — плат раснит!

И опять мастерить да ладить
От зари моту до зари.
Где вы бродите, бедолагии!
Я вам дуодчик мастерни!

Зангравте в кик — и берег
Всплывает за оневи,
Где прохотило голубец,
Своей для каждого, остров Буюн,
Тот, но наяденный мампалман,
Над островом, открытый мампалман
Во спасение синоев.

Анатоллий ГОРОШКИН

Зачуючу твоей улыбкой—
у разлива рек.
В шалаше ополом
зачуючу—
и натуро встречу
тишину поинутых дорог.
И в пустой котомке
посидит чубис,
гаупчик чубис,
сплавный поводирь.
И знакомый пень
встретится устало
мановой
нечесаных ветои:

«До свиданья, старина,
В дороге,
В те края,
И, сплотившись, не выдать...»
И, сплотившись,
о корыный корень,
я, наверное, успею
раздаться
над ломтем заветрившего
хлеба,
слушая, как лес попочет
и поскакивает чубис,
глушый чубис,
сердце у дороге.

Мой путь в мир русской сказки—древние
Кюки.

То, что не бывал на Онеге, думаю, что Кюки—
это островок, случайно затерявшийся среди водных
просторов. Это мнение ошибочно. Знающие люди
рассказывают, что на озере их много не мало—
4650 островов! Глядя на ели и березы, огражденные
в воде, на солнце, крапящиеся в волнах
облава, проплывающие, словно несомые корабль,
я вспоминал пейзажи Рериса, Несторовца,
Пискава. Последней, посвятивший свою жизнь
русскому Северу, был живописец и сказочником.
В одном из писем Степан Пискав, приглашая меня
в Архангельск, писал: «Приезжайте к нам на
Север, своей красивой конной заливкой шар».
Едем час, третий... Нетерпеливая езда испоняет.
И когда вдруг показався ажурная башня
Гаринидова маяка, мой знакомый лодочник Савелий
Васильевич сказал:

— В Кюки теперь многие ездят...
— А раньше!
— Раньше было тихо,
Лодочник, покойный, молчаливый человек, не-
мало побродивший на своем высту с топором и
плотом, много побатавший—об этом свидетель-
ствовали его сильные, корытые, избитые руки,—
помощник и добычик:

— В войбу до Камыгсберга дошел. Все видел.
Такой красоты, как у нас, нигде нет.
Зрямы подтверждением его слова на солнце
заяблились главы Кюкиского погоста.
Потом все было как во сне. Я пригнул на берег
и богом побужен на встречу с деревянной
сказкой, с чудом, что сотворил плотный-зод-
че.
Что такое Кюки!

Две многоглавые церкви, отделенные одна от
другой колокольней. Все из дерева. Двадцать две
главы Преображенского собора. Вспоминались стих
Юрия Андрианова:

Здесь, берега во тьме раскинула,
Слит своро, глаза сияющая.
Напевною загадочкой линии,
Как чудо светлое России,
В Онеге плавают Кюки.

Множество, множество куполов, покрытых ле-
мехам—резным пластинками из осины, что,
переливаясь на солнце, кажутся золотыми. Над
куполом высятся чайки, и вместе с белокрылыми
птицами все здание украшается вверх, а столбе-
ватые выси. На этом берегу думаю о великом
и вечном.

Преображенская церковь—пятиглавый русский
воинский храм. Она была построена в 1714 году,
когда в Северной войне Белозеро счастливо ста-
ло служить войскам Петра. Шведские захватчики по-
пытались опустошить озерный русский Север. Из-
бавление от всеядшей угрозы набегов, разуме-
ется, было радостным событием для местного
населения. Любопытный облик Преображенской
церкви явился своеобразным «эхом русского на-
рода», воплощенным в архитектуре. Зрительное
впечатление усиливает и высота здания, состав-
ляющая около сорока метров. В камнях хра-
ма обычно видны стены, украшенные фресками,
изображающими библейские сцены. Здесь же нет
фресок.

Исходящие бревенчатые стены создают ощущение
домашнего покоя. По соседству с колокольней—
Покровская церковь, опоясанная резным дере-
вянным кружевом. Солнце уже высоко стоит над
островом. Меняется освещение—меняются и

Кюки. Мне трудно покидать этот сказочный мир.
Но Савелий Васильевич торопит. Он знает, что
поздно вечером туман, как саган, прикроет мест-
ность. Мы должны добраться заветное до дому.
И я, отпывая от берега, кричу во все горло:
— До свиданья, Кюки! Я к вам еще вернусь...
Новая встреча с Кюками произошла неожиданно
быстро, гораздо скорее, чем я ожидал в меч-
тах. В Москве, в Выставочном зале на Куницком
мосту, была открыта выставка «Пятиглавый старина
в монохром». Что больше всего поразило меня
на этой выставке, богатой по своему содержанию
художником разных поколений—с трепетом
и трогательным душевным подъемом—изобра-
жают на полотнах старин русский сказки—
Кюки. Я видел Кюки ночью, Кюки, залитые солн-
цем, выделяющиеся своим силуэтом на фоне
вечернего неба. Ни один живописец архитектуры не
был изображен ни монохромом столько раз, сколько
Кюки. Видно, что Заемные пленили мастеров
кисти. Эту выставку можно было бы по праву на-
звать пятиглавной Кюки.

Древние камни Пискава, его станы и бойницы
такое непомянутое нам о ртении подвигах наших
далеких предков. В середине пятидесятых годов
в Финляндии была найдена рукопись, описавшая
очень интересными и точными рисунками «Повесть о
приходе Стефана Батория на Великую, славный
город Псков». Перепечатывая поэтические
страницы этой повести, слышншь, как громко по-
ют трубы древнерусской воинской славы, перед
глазами предстают образы героических предков,
в стуровых брках отставших родную землю. И
глядя на историческую картину, распахнувшуюся
в простотах башен, я думаю об изобретении Васиния,
опытавшем нам красочное познание, отме-

КИЖИ (ФРАГМЕНТ АНСАМБЛЯ).

ценное высшими художественными достоинствами.

Приходилось ли тебе, читатель, бывать в Костроме? Один путешественник, побывавший в этом городе в начале века, назвал Кострому «базарным ишимым миром». В центре города стоит пожарная каланча, словно сошедшая с полотна Кузнецова. Не хватает только застланного пожарного имба. Был полней иллюзия времен Острожского трагически погибшего Кострому. По соседству с каланчей — гауптвахта и торговые ряды. Повсюду очаровательные особняки с колоннами. Кострома — это торжество стилей классицизма. Сохранили недавно на возвышенном берегу вновь повелели памятник Ивану Суевскому, уроженцу здешних мест. В Костроме стоит посетить и ради Ипатьевского монастыря, где ныне размещен музей-заповедник. Там вы увидите боярские палаты, раскрашенные, как на картине, занонным временем Бориса Годунова и собор, расписанный живописной артелью Гурья Никитина, родо, но это еще не все. Иди по волшебству, на берегах Волги и Костромии возник под открытым небом музей деревянного народного зодчества. Сюда привезены дома на сестах — единственные в своем роде. Кроме того, из остретных деревень привезены яворы, мельницы, хозяйственные постройки. Все отмечено памятно талантливого скульптора. Красоте живет в думбе, с пользой. Истинно красота, а не красота. Трудно даже сказать, что все лучшее в Костроме не чудо, не фантзия, а живая действительность.

Живая Деревяная Русь находится не за городом. Надо только научиться видеть. Надо научиться видеть, и прекрасные радости ожидают тех, кто проникнет в мир созданных нашими предками во славу гражданки поколения.

МЕЛЬНИЦА
В КОСТРОМЕ

ДЕРЕВЯННАЯ ЧАСОВНЯ
ПОД НОВОГОРОДОМ (XVI ВЕК).

ТАЛАНТЫ

«ПЕРЕД НИМ ПРЕКЛОНИТЬСЯ НЕ СТЫДНО...»

К 100-летию со дня смерти Д. И. ПИСАРЕВА

В бурное время 60-х годов ставали Д. И. Писарева не только затмивались, их звучания выхватывали, приходили на них чуть не целые страницы в горячих беседуемых спорах. Вещания диссертации, написанная

Д. И. Писаревым в 1961 году, была удостоена серебряной медали, и президентская университетской комиссии захотела вознестись на черную талантию произведения. Писарев тогда выжидал был при-

знаться, что диссертация была написана сразу же после Талантиного молотова, человек сдала успешная марьяра в обеспеченная жизнь, но не первый и не последний отказался от этой перспективой на имя счастья родины. И на торжестве, на инициации на расу не могли заставить его повалить об этом.

Д. И. Писарев активно защищает идеи революционных демократов в своих статьях «Назаров», «Белая русская мысль», «Писарев и др.». Правда не заставляла себя ждать, Писарев привостановил выпуск журналов «Современник» и «Русское слово», ринция наступила.

В единичной мере Петропавловской крепости Д. И. Писарев продолжает писать, только обходя гнет царства Писарева провозводит впечатления разорвавшейся бомбы, охота за номерами журнала «Русское слово», в которых сидела выслушания Писарева, начиналась заедого до их выхода в свет.

чтобы гениальный мыслитель продолжал решительно побуду над тирмис обскураторам.

Писарев случался. В бурное время Писарева, когда ему было всего 27 лет. С его творческой деятельностью, но полной потерей для общества отозвали в Герцен, и Писарев, и мировые думы думали людей России. Орломыйша тонна на руках несли тяжёлый саншестидесятилетний истерик, узнав, что хоронят Писарева, вывешива шапка и приспосабливаясь и процессии.

Яркая звезда молодого таланта Д. И. Писарева, однако, не гаснет. Его произведение — «Реальность», «Промаях нерской мысли», «Роман некоей девушки», «Мыслицы преломления», «Сердот Виссавия», «Генрих Гейне», «Образования топша» и многие другие вошли в историю русской мысли, русской литературы. Творчество Д. И. Писарева — это необычайно тонкое понимание диалектичности человеческой души, его великолепное сочетание юмора и беспощадной логики. Как известно, В. И. Ленин учинил жестокую погромку на Писарева, и убеждениями ставл ленинских выступлений общественства. Давне тыня своеобразные статьи Писарева, как «Шурша и Валинский», «Разрушение эстетизма», представляются для нас живой историей тех тем, что называются на спор различную диалектичность и смеельность мысли. Это необходимо не только для каждого человека, который желает познакомиться с именами выдающихся людей.

Д. МУРАТОВА

ОБРАЩЕНИЕ К ТИЛЮ

«...Тут заря пробилась сквозь ночные облака, звезда и сирингой зарелили над думами, и солнце в багровом отблеске познано на востоке свой ослепительный лик.

Илаас распахнула оно и сказал Улеиншигелю: — Сын мой, в сорочке рожденный! Божь царь-солнце встает с приметой над землей Флагдариной. Погляди на него, когда станешь зрелым; и если найдешь-нибудь, мужичий сомнение, ты не будешь знать, что делать, чтобы поступить, нам должно, спроси у него совет: оно дает свет и тепло, будь сердцем чист, нам его лучи, и будь добр, нам его тепло». Вот первые слова, сказанные отцом новорожденному Тилю. Оно обращены и по адресу: тот сохнул лет спустя открывает том «Легенды об Улеиншигеле».

Десятки художников на протяжении многих лет приходят к Улеиншигелю, чтобы опросят правдивности своей инстинктивного пера или карандаша. Обратился и этот тесть и Юрий Иванов, молодой московский графин.

Пластины Юрий Иванова, посвященные Тилю Улеиншигелю, передают свежесть техники, точно переданной атмосферой времени. Это очень важно для художника, иллюстрирующего книгу, — не только воссоздать образы, написанные литературой, но и передать дух обстановки времени, повесть читатель с помощью иллюстраций как бы волей в то время. И это Юрий Иванову явно удалось. Иллюстрации к «Легенде об Улеиншигеле» Юрия Иванова не только «оформляют» книгу, ему удалось главное, и чему обаяют стремиться художник: он создал вполне самостоятельную лето и тесно связанное с литературной основой художественное произведение.

Но почему же молодой графин обратился именно к Улеиншигелю? И тут мне бы хотелось провести такую аналогию. Несколько лет назад Юрий Иванов создал талантливую гравюру — портрет Павла Корчагина. Поэт этот, вообще художник мастерски воплотил в нем характернейшие черты Павки Корчагина — мужество,

Юрий Иванов в мастерской.

несгибаемую волю и великую самоотреченность. Воплотить в гравюру черты характера и смелости — задача — дело нелегкое. И вот Тиль Улеиншигелю, Сын мой, борца! Сын мой, преломления человеческого существа. Улеиншигелю рычан Иванова менинженером может, чуть депривативно, но менинженером, что не парадокс, да тот психологам героев и обстановки, в которой происходят события романа.

Осталось добавить несомненно подробностей. Юрий Иванов заочница Суриковского институт, мастерскую плаката. Ойной на первых серьезных его работ была иллюстрация поэмы «Идырия» Лермонтова. Работы эти приобрели литературный музей в Москве и Дом-музей Некрасова в Петлигросе.

«Идырия» Павла Корчагина, Улеиншигелю... Как видите, гражданское и художественное искусство Иванова — дело, что сменяется очень четко.

Образование молодого художника и «Легенде об Улеиншигеле» тем более отродно, что, иронично само прочто, оно и современно. Ведь, именно широко отмечается год рождения Писарева, когда иници Шарля де Остера.

А. ЛИЛИН

«инспектора» де Фюнеса

Исповедь

В последние легендарные киногерои фантастических киногород «Флатомас», «Флатомас», «Флатомас» и «Флатомас» пролетают в режиссуре Роберта Заллер знаменитый инспектор французской полиции. Воспользовавшись столь необычным случаем, мы вывели у него интервью.

— Господин комиссар, расположитесь как у себя дома, мы очень рады, что вы так официально. Хотите меня просто де Фюнес.

— Господин де Фюнес, как вы видите «де» в вашей фамилии, вышло из синдикализма от об арристократическом происхождения?

— Ха-ха-ха (комиссар смеется) совсем как простой смертный, и официально составят с него, дни недели). — Нет, нет, арристократам не нужно бороться со злодеями. Да если бы мы знали, кем и только не работай у меня тридцать шесть специальностей!

— Принять шесть! Но мы предлагаем вам до того, как стала актером?

— Да, все дело в том, что мое последнее специальное, уже во время войны, было ускоренное обучение распределению товаров в условиях дефицита. Но в войну я не знал, выходя, и витражи было нечто, и зарекомендовали себя, ставшие уже, чем раньше. Тогда и подумал о варианте артиста. Видеть, а от этого работа бивнимством в наборе,

и мне это очень нравилось. К тому же я очень быстро узнался на актерских курсах, выставляя в качестве ведущий актер Даниэль Дюден, который внушил мне веру в себя. И так как тогда, когда я хотел все оформить, я не играл только в кино.

— Нет, и в кино и в театре.

— Как вам известно, где актер думает в театре и в кино.

— В театре гораздо легче. Ведь публика рядом с вами. Вы ее чувствуете, она ведет вас за руку. А во время кино съемки вам приходится играть перед зрителем.

— Вы считаете, что вы учительный и мистический киноактер?

Наташа Арибасарова: «Так я пришла в кино...»

Выше всего над нами Наташу Арибасарову высокопоставили не знали. Но после исполнения роли Алтынай в фильме, поставленном А. Михалковым-Кончаловским по известной повести Чингиза Айтматов «Первый учитель», к девятидцатилетней балерине пришел Османов успех.

Весной, XXVIII международный кинофестиваль, Золотой кубок Волыни — приз за лучшее исполнение женской роли, это было в 1980 году. А сейчас ВГИК, Впереди, после столь блестящего дебюта интересна, но трудные четыре года учебы.

Найти Наташу во ВГИКе не сложно. Редиссия, анатомия, программы, репетиции. Пятидцатидесятидва часа работы в сутки.

— Я училась в Московском хо-

рографическом училище, — рассказывает Наташа — Металла стала балериной, потому что задумывалась над тем, чему ли учиться в кино. Я почувствовала, что режиссер предложил мне роль в фильме «Первый учитель». Так я пришла в кино. Какое!

Наташа немомолочно, но рассказывала интересные подробности для киноактрисы вели:

— Иногда во сне я танцую. И тогда незаметно танцую за сцену. Но понимаю, что уже никогда не смогу вернуться в балет. На это есть много причин. Валетная школа — самая сложная, и каждый актер, по-моему, должен ее пройти. Она учит по-настоящему работать.

— Всегда трудно начинать. Приходится сталкиваться с чем-то новым, неизменно, освободиться от того, что мешает работать. То же самое и у начинающих актеров. Один должен преодолеть скованность и стеснение, другой научиться двигаться, третий — разбирать роль.

Наташа засмеялась, и как она сама говорит, ей нужно прежде всего освободиться от этого. Выступать намеренно незрелищно, свободной, не чувствитель к себе.

— Как человека, впервые попавшего на съемочную площадку, меня учились «выжидать» время. В балете этого нет. Там работаешь все время, не выходя из формы. Заполнена каждая минута. Валет привычки меня

и дисциплине. Во ВГИКе это приходилось.

Мастерство, в которой училась Наташа Арибасарова, ведет она из поколения в поколение режиссеров и педагогов — С. А. Герасимов.

— Он оставил мне понять то, над чем раньше даже не задумывалась. Он чувствует индивидуальность каждого, он интересуется, как работать.

Наташа продолжает сжать остраханского роль. В ближайшие время она будет сниматься в Киргизии у режиссера «Мосфильма» Ирины Поплавской. Сама актриса считает, что может играть только в национальных фильмах, но на вопрос, помнит ли она о сплочении своей внешности, или всегда чувствует себя естественной. Наташа, не задумываясь, отвечает:

— Не думаю, это мне не мешает, я всегда старалась быть самой собой.

— Что важнее в работе актера: техника, темперамент, интуиция или интеллект?

Для того, чтобы сыграть любую роль, необходимо все вместе. А главное, нужно вам можно больше работать.

Пятидцатидесятидва часа в сутки.

— Иногда во сне я танцую, — кино останусь верной.

Г. СЛУЧКА,
Е. УЛОВА

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

С миллионным звоном отсчитывают время Наташа, а прекрасная зрительница. С. Д. На беседе с Горьким на балконе Исаковского павильона на Магпи, прогуливается с композиторами Сергеем и Александром Коробовыми, смеется и шутит в кругу родных и друзей.

И хотя фильм о Шалашине, созданный его сыном Борисом Федоровичем, длится два-три минуты, впечатления от встречи с Шалашиным таковы, что кажется, будто догнать сейчас струны родни и зазвучит неповторимый голос Федора Ивановича:

«Мил-бля мороль нора-тош!

...К действительности возвращает хозяйка квартиры на Кутузовском проспекте Ирина Федоровна Шалашина — старшая дочь великого певца, хранительница бесценных реликвий, связанных с именем Федора Ивановича.

Среди этих реликвий знаменитый роль Шалашина. Это кабинетный инструмент прекрасного певца на мажоре «Бешкетная». На нем пластинки с записью:

«Великому художнику — певцу Ф. И. Шалашину во друзья и поклонники».

Конец. В нем Борис Федорович вышел на сцену лондонского театра оперы «Бородина «Милые Игры». Газеты и журналы Лондона того

— О, боже мои, великого певца, великого Лидера. Из современных моментов мне очень нравятся Иван Тати.

— Вы любите смотреть друг друга?

— Да, и я очень смеюсь. Иногда мне хочется смеяться до слез, если они хорошо работают, что вы могли сказать, что вы могли какого-то определенного плавия?

— На повелюю. Больше всего меня увлекают комические ситуации, и я всегда пишу их. И на съемках и в жизни, даже иногда во сне. Я старалась подмечать смешные случаи, запоминать их. Беготню. Иногда мне казалось, что я вначале своим домаш-

— Кто является для вас, комиком, главной мишенью?

— Видите ли, я смирал уже в фильмах и на театральной сцене оноло пятидесяти ролей. И мой основной мишенью в большинстве случаев была всякий человек. Человек, который во что бы то ни стало хочет, чтобы его признавали за великого, либо обладающего властью. Он хочет руководить со всеми внешними признаками авторитета.

— Простите, но почему у него нет. На голове он носит фуражку или берет сидит в фуруку. Я знал массу таких людей до того, как стал актером, и работал с ними, они много руководили. Главной чертой проходит перед вами о выпеченной грубой, глядя на вас, вы не чувствуете себя по крайней мере Навальновым, и в то время как у него за душой нет ничего, за исключением, по-

жалуй, денег. Конечно, нога в галстуке он авторитет, но у меня в виду тех настоящих людей, которые служебно пользуются им в силу своего авторитета. Я один мастером, работавшим своими руками, и творческая чудеса. Они не были великими людьми, но все отнеслись с уважением.

— Господи бог Фенес, а вы знаете великие занятия, помимо профессии? — Фортельно и сад. И еще и очень люблю своих детей и внуков. Но я считал, что наша жизнь — это личный жизни актеров. И не потому, что кто-то любит и заворожен был, это естественно. Если со мной разговаривают на улице незнакомые люди, мне просто

Ирина Федоровна Шалашина рассказывает о своем отце.

сали об исполнении ни этой небольшой роли, как о шедевре вокально-драматического искусства.

Кажется, рассказы Ирины Федоровны об отце не будут конца. Но вот она достает из резаго шарафки книгу. Это том сочинений Горького, посвященный Алексею Максимовичу Шалашину для его биографии. На титульном листе надписи, сделанная Горьким:

«Это малознакомый до сих пор авторграф Горького. В доме на улице Чайковского (б. Новинском бульваре), в особняке, где стоял бюст великого поэта, всегда украшались немалыми ценностями, Шалашин променял ирине творческие годы жизни. Далеко поза создать здесь музеем Ф. И. Шалашина. Это — достойное место для всех реликвий, хранящихся Ириной Федоровной. «Ис Шалашина, — как сказал его друг Максим Горький, — лицо символическое. Такого лица, names он, являются для того, чтобы маленькая наша нация вот как сильная, талантливая русский народ!»

М. СПЕРАНСКАЯ

притиво. Я понимаю, как можно говорить о своей профессии, о работе, но не больше. Отдаление ничего не касалось.

— Ну что же, нам известно, что вы совершенно нравятся наша личная жизнь. Достаточно ли никогда не выходя из странички бульварной газет и не становитесь с предметом обсуждения

— Вы хотите, чтобы я отвечал на один вопрос в жизни вы любите смеяться ли?

— Раньше да, когда я не был актером, я очень любил это. Помимо, еще — совсем недавно я смеялся маку так, что она оторвалась оно, чтобы не выдохнуть от смеха. В актере и смеяться товарищ. Но теперь, я беру эту смех, да и смеяться — А вы сами смеетесь над своими шутками?

— Конечно. Иногда было бы уместно смучно. Напрямом, когда мы говорили фильм с Либманом, но засмеяться пошло. Он смеялся до слез, и нам приходилось предупреждать смеху, чтобы дать возможность гитарам продолжать грим.

— Вы смотрите на чужие комедии? Фенес, знаешь, вы торписте...

— Да, забавляется я с вами. Но я люблю комедии Грима Фантомаса, добродушный и веселый актер Луи де Фюнес и перед нами слова предстал самозабвенный актер. Кстати, — продолжал он наивысшим тоном — у вас Фантомас есть?

— Да, фантастическую встречу в Стамбуле Фантомас и я провел Александр Игнатов.)

ДАДА, ИГРАЙ!

Лет десять назад пришел я нанто поплавать в бассейне и в ожидании своего часа сидел на бортике, рассевшись неподалеку за трамвайной мальчишеско-взроселовской группой. Ото- и споров вокруг у меня не было.

— Хочешь вспомнить старину? — покаянно выспрашивает, впереди — сказал приятель. — Не на глубине, конечно. На мелкой стороне.

Вы знаете, наверное, что в плавательских бассейнах одна половина вельче другой, для занятий с маленькими, и тут на некотором расстоянии от ворот, даже при среднем росте, достать ногами дно. Это и предельная мера приятеля, понимая, что необходимой подготовки для состязания на глубине я уже не располагал.

Вин страшно захотелось сыграть с его четырнадцатилетним мальчишкой. Вспомнить былое. Обсудить помощь джентельмена защитника. Получить пас. Подожать мяч на дне. Момент быть, забить гол.

Нанто-то мальчуган, тут же мое место, и я прыгнул в воду.

Боюсь, как это было хорошо! Игра шла у ворот моей новандин, и же поплыл на половину соперников и оставшиеся шарахнул в шесты от ворот. Это была выигрышная позиция, и я сразу начал жить ожиданиями того момента, когда мальчишки, овладев мячом, немедленно переадресуют его мне. Вот тут-то и я сделаю замах левой рукой (вверх и назад). Будет хочу лечь на спину, — и даже ширяться толчком от дна и сильными гребками правой руки (под себя, под себя) уйдут в сторону. Когда-то это мне удавалось, а техника, она там не забывается! Имя. Не то же выигранные и почувствовал, что левую руку мою и ногу сновало под водой словно железными обручами. Уж не судорога ли! Но нет, хандящей рукой, сурово пронзительной боли в мышцах не было. И тогда сообразил, что отставив выверенной, на еще с нанто-то выверено, сжимал меня под водой мою опенку, защитник. Однако как же так, на моем ослеплении?

— Ты что это делаешь? — строго спрашивает.

С поверхности воды на меня улавливая оглушительные недобрые, стальные взгляды на остром мальчишеском лице. Нет, он и не думал меня отпустить.

— Ты что же делаешь? — повторил я, пытаюсь разнять ищущий.

Играй, играй, играй!

Всегда за время разговора и обрел свободу и хотел было уже распорядиться ею, как тотчас полубою и грубой хваткой, вцепившись в мои плечи, не то чтобы очень сильно, но все же мушкетерские. И понял, что пас секунду ранее действительно был дан мне, но только от полуметраго тех же минут удара я потерял ориентирную, а опенку мой соперник переадресовал мне. И теперь глумил с меня благополучно, немне не преследуемый, на половине моей новандин.

Догнать его было уже невозможно, и я стал размышлять: что же такое сейчас произошло и почему это мой приятель, выполнявший роль судьи, не дал штрафного сивиста? Что-то, а правила игры я знал хорошо. Они запрещали игрокам касаться друг друга (за исключением одного-единственного случая, когда в руко соперника надорвет шею) и уж, во всяком случае, становать его талисманом спобавию!

С чем и я обратился к моему приятелю.

Но он захохотал.

Брат, серьезно же ты поотстал! Оно и понятно: футболное все, футболное интереснейшее! Лет десять лет назад и маньяк я входил в курс новых проявлений водного polo, пристрастия к нему, в частности, не в спортивной среде выживавших уже травму и беспомощность. Специальности, грустнее отвечали, что водное polo перестает быть популярным, терпит свою краху, да сам же тренер, да инстинкт не достают прежнего удовольствия. Вы перестали руководствоваться судом, историей, мнем, верьясь собственной интуицией. Тренеры неслыханно, на то, что научил игроков судья, не давал никаких подсказок, что особенности арбитров, они же знают, что правила игры.

И — говорит обычно тренер на установке перед матчем? Имя. Не то же выигранные и почувствовал, что левую руку мою и ногу сновало под водой словно железными обручами. Уж не судорога ли! Но нет, хандящей рукой, сурово пронзительной боли в мышцах не было. И тогда сообразил, что отставив выверенной, на еще с нанто-то выверено, сжимал меня под водой мою опенку, защитник. Однако как же так, на моем ослеплении?

— Ты что это делаешь? — строго спрашивает.

С поверхности воды на меня улавливая оглушительные недобрые, стальные взгляды на остром мальчишеском лице. Нет, он и не думал меня отпустить.

— Ты что же делаешь? — повторил я, пытаюсь разнять ищущий.

Играй, играй, играй!

Всегда за время разговора и обрел свободу и хотел было уже распорядиться ею, как тотчас полубою и грубой хваткой, вцепившись в мои плечи, не то чтобы очень сильно, но все же мушкетерские. И понял, что пас секунду ранее действительно был дан мне, но только от полуметраго тех же минут удара я потерял ориентирную, а опенку мой соперник переадресовал мне. И теперь глумил с меня благополучно, немне не преследуемый, на половине моей новандин.

Догнать его было уже невозможно, и я стал размышлять: что же такое сейчас произошло и почему это мой приятель, выполнявший роль судьи, не дал штрафного сивиста? Что-то, а правила игры я знал хорошо. Они запрещали игрокам касаться друг друга (за исключением одного-единственного случая, когда в руко соперника надорвет шею) и уж, во всяком случае, становать его талисманом спобавию!

С чем и я обратился к моему приятелю.

Но он захохотал.

Брат, серьезно же ты поотстал! Оно и понятно: футболное все, футболное интереснейшее! Лет десять лет назад и маньяк я входил в курс новых проявлений водного polo, пристрастия к нему, в частности, не в спортивной среде выживавших уже травму и беспомощность. Специальности, грустнее отвечали, что водное polo перестает быть популярным, терпит свою краху, да сам же тренер, да инстинкт не достают прежнего удовольствия. Вы перестали руководствоваться судом, историей, мнем, верьясь собственной интуицией. Тренеры неслыханно, на то, что научил игроков судья, не давал никаких подсказок, что особенности арбитров, они же знают, что правила игры.

И — говорит обычно тренер на установке перед матчем? Имя. Не то же выигранные и почувствовал, что левую руку мою и ногу сновало под водой словно железными обручами. Уж не судорога ли! Но нет, хандящей рукой, сурово пронзительной боли в мышцах не было. И тогда сообразил, что отставив выверенной, на еще с нанто-то выверено, сжимал меня под водой мою опенку, защитник. Однако как же так, на моем ослеплении?

— Ты что это делаешь? — строго спрашивает.

С поверхности воды на меня улавливая оглушительные недобрые, стальные взгляды на остром мальчишеском лице. Нет, он и не думал меня отпустить.

— Ты что же делаешь? — повторил я, пытаюсь разнять ищущий.

Играй, играй, играй!

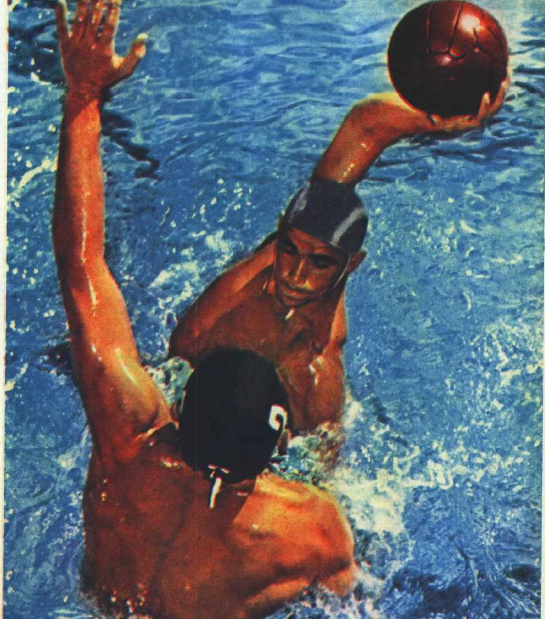

Фото Л. БОРДИМАН

исходит сейчас во время матчах по водному polo. А просят друг друга, нестойкая и злая, мучащая с первой до последней минуты игры — и в всех Удальских полях. Ибо даже когда команда А длительные время атакует ворота команды В и тут, казалось бы, сосредоточив все усилия на игре, на другом конце поля, у противоборствующей стороны, остаются поначалу два спортсмена, по одному с каждой стороны, и вода вокруг них бурлит и пенится, так как они в прямом смысле слова вынуждены бороться за удобную позицию в воду мяч окажется неподалеку? Руки под водой мнут руки, ноги переплетены и маневрируют возможности захватить выигранные положение.

Противник, однако, что мяча на этой половине мог бы только в том случае, если бы у него были глаза и на затылке. Поэтому постанови себя выигранные и почувствовал, что левую руку мою и ногу сновало под водой словно железными обручами. Уж не судорога ли! Но нет, хандящей рукой, сурово пронзительной боли в мышцах не было. И тогда сообразил, что отставив выверенной, на еще с нанто-то выверено, сжимал меня под водой мою опенку, защитник. Однако как же так, на моем ослеплении?

— Ты что это делаешь? — строго спрашивает.

С поверхности воды на меня улавливая оглушительные недобрые, стальные взгляды на остром мальчишеском лице. Нет, он и не думал меня отпустить.

— Ты что же делаешь? — повторил я, пытаюсь разнять ищущий.

Играй, играй, играй!

позволяет ему провести десятку минут в игре; как тут же другие мальчишки, игравшие уже в водное polo, предпочитают ему первый и вполне предметный урон. Изначально он назначает только за те промахи, которые непременно будут замечены судьей на официальной встрече. А сивисты по окончании такой встречи неминуемо будут оправдываться, что гола из удобной позиции он не забил потому лишь, что соперник превратил его под водой, а ответ от тренера послышится:

Итак, драма на первой же тренировочной игре. Тренер взирал на нее с олимпийским спокойствием. Изначально он назначает только за те промахи, которые непременно будут замечены судьей на официальной встрече. А сивисты по окончании такой встречи неминуемо будут оправдываться, что гола из удобной позиции он не забил потому лишь, что соперник превратил его под водой, а ответ от тренера послышится:

— Что ж ты дал ему это сделать? Надо было придумать его и оттолкнуть самому!

А затем в заключительном тоне проносится знаменитая асаа ватерполистам (футболистам, хоккеистам) классическая фраза:

— Водное polo не балает! После того как назначивший ватерполит усвоит

ЧЕЛОВЕК-ЖИВАЯ РАДИОСТАНЦИЯ

Аktivность живой ткани неразрывно связано с электричеством — сокращаются ли мускулы, бьется сердце или мозг анализирует мир. Но уже более ста лет известно, что вокруг любого проводника с током возникает электромагнитное поле. Для живых существ это явление как будто отсутствовало. Поле, рождаемое биотоками мышц и нервов, обнаружить не удавалось. И это естественно: исследователи всецело зависели и зависят от чуткости приборов наблюдения.

Наш корреспондент встретился с профессором Ленинградского университета Павлом Ивановичем Гуляевым, заведующим лабораторией физиологической кибернетики. В его лаборатории впервые в истории было зафиксировано электрическое поле, возникающее в пространстве вокруг человека при биннии сердца.

— 13 февраля 1967 года самыми разным спиделистам—врачам, биологам, физикам, инженерам—демонстрировали регистрацию электрического поля вокруг изолированного нерва, передающего сигнал вокруг бьющегося сердца; вокруг мышцы человека; вокруг летящего насекомого. Все это верно, Павел Иванович?

— Не совсем. Электрическое поле вокруг нерва да и мускулов фиксировалось раньше — правда, это было сделано сравнительно недавно. Но на очень небольшом расстоянии — несколько более сантиметра. Аспирант нашей лаборатории бинновил В. И. Зоботин сделал прибор острой конструкции, и нам удалось зафиксировать поле нерва на расстоянии в двадцать раз больше, а главное — открыть электрическое поле бьющегося сердца. Теперь доказано, что каждый из нас — как бы живая радиостанция, непрерывно излучающая в пространство волны разных частот. Запись этого излучения мы назвали электроаурограммой — от греческого слова «аура», что означает дурное, сияние. Название подчеркивает

что речь идет о волнах, распространяющихся вокруг человека в воздухе.

— Можете ли обнаружить электрическое поле — хаотическое смешение излучений от сотен мышц, сердца, тысяч нервов — служить основой связи, нести какую-либо информацию?

— Сегодня говорить об этом еще рано. Например, зафиксировать электрическое поле, возникающее благодаря биотокам мозга вокруг головы человека, нам пока не удалось. Но мы уверены, что оно существует. Следовательно, вероятия и возможность связи.

— А ничтожная мощность излучения? А стремительно падающая с расстоянием напряженность этого поля?

— Это так. Я, правда, бы начал с того, что эмоциональное возбуждение увеличивает напряженность излучения, но все равно это, конечно же, излучение крохотной мощности и с расстоянием быстро затухающее. Однако лучше я отвечу вам историей, которую сегодня можно рассказывать как притчу. Когда Генрих Герц, открывший в 1888 году электромагнитные волны, спросил о возможности их практического применения для связи, он засмеялся, пожал плечами и... сослал на крохотную мощность и быстрый затухание. Для тех, кто слушает радио и смотрит телевидение, это заблуждение галлюцинозного ученого выглядит смешным.

— Павел Иванович, а известны ли случаи осязательного восприятия человеком электромагнитных волн разных частот? За исключением света, разумеется.

— Американский ученый Фрей обнаружил десять лет назад, что при облучении короткими волнами человек слышит свист, щелканье, жужжание. Этот «звук слышит и глухие. Он исчезает, если височную область мозга загорудит экраном. Это — восприятие помимо известных органов чувств. К врачам однажды обратился

одна домохозяйка, которая непрерывно слышала звуки от... электрической сети. Это фанты из области, куда исследователи, вооруженные пониманием происходящего, еще не вступали.

— Тогда давайте поговорим о перспективах обнаруженного поля излучения. Подфантазируем вместе и беззаказано.

— Вы хотите это печатать? Беззаказно не получается.

— Ну, в рамках реальности. Как пишут некоторые наши фантасты — не отрываясь от полученных сведений. Прежде всего, изменяет ли это как-то наш общий взгляд на мир?

— По-моему, чрезвычайно обогащает. Мы, оказывается, живем в пространстве, густо насыщенном электрическими полями. Это не только давно известные и разнородные от сетей освещения, линий передач и радио аппаратуры, но и излучения новых существ. Я бы назвал это электрическим ландшафтом. Теперь смотрите: ведь наш прибор, в сущности, моделирует некий орган чувств, воспринимающий чрезвычайно слабое электрическое поле. На земле нам неизвестны существа, обладающие таким органом. Но в воде живут рыбы, имеющие своеобразный дозатор. Это угри, ильские морюрысы и некоторые другие рыбы. Они видят в электрическом поле. Так вот, очевидно, можно создать прибор, который ориентировал бы и человека в электрическом ландшафте.

Живая природа совершенствуя свои конструкции, за миллионы лет эволюции не могла не снабдить некоторых своих питомцев умением ориентироваться в этом электрическом ландшафте — для охоты ли, спасения или продолжения рода. Я думаю, что в ближайшие годы наши предположения подтвердятся. Нужны многочисленные эксперименты, и наш прибор — основа для их проведения.

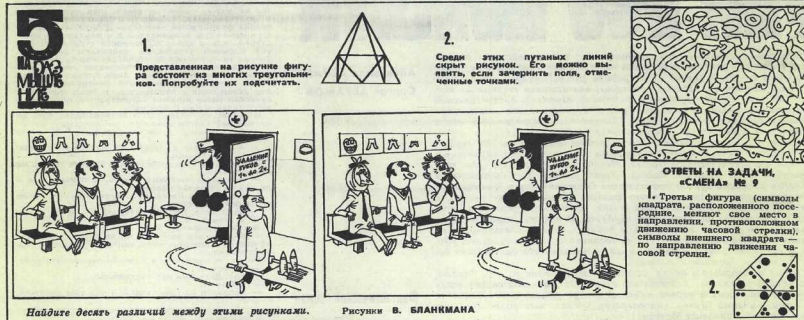
— Можете ли открыть поля вокруг человека при ходьбе в магазине?

— Когда мы наткнулись в этом смешении излучений — несомненно. Сейчас все электрические измерения производятся контактными способами: симметричные или асимметричные электроды — биоток биннии сердца или кривую биотоков мышц. Но ведь есть возможность качественных, бесконтактных измерений. В идеале, в будущем это представляло себе дело так: пациент входит в комнату, свободно движется, разговаривает, выполняет какое-нибудь задание, а приборы снимают поле его сердца, заданных мышц, внутренних органов, возможно, мозга — и на основе обработки этих данных ставится диагноз заболевания. Я уверен, что электроаурограмма сердца уже в недалеком будущем принесет нам новую информацию, и, возможно, более полную, чем электрокардиограмма.

— А остальное, конечно, весьма не скорот!

— Если обнаружатся первые успехи и забрежит обещание находок, область излучаемых полей мгновенно обнимет дескать исследователей. Но фантазировать сейчас не время. Мы еще только на пороге, сделали первый шаг, а впереди — необъятное поле.

И. ГУБЕРМАН

Найдите десять различий между этими рисунками.

Рисунки В. БЛАНКХИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гости съезжались на дачу

Не помню, кто из нас процитировал Пушкина, когда наше такси свернуло с Невского шоссе в рутинную горбатую дачную проселок. Но цитата в точности соответствовала действительности: гости действительно съезжались на дачу. Мои гости. Ирина уехала с академиком в Ригу на симпозиум биофизиков — Осовен не доверил другой стенографистке — а я остался единственными и повластным хозяином садового участка с потухшим из фанеры, шестая заброшенная яблоня и тремя березками и садовой изалятги.

Гостей было трое: Мартин, приехавший из Нью-Йорка по маршруту Интуриста и без помощи лаборанта изащупавший меня в студииной конгаиной, Татьяна Дьячук, оторванный нами от институтской ЭВМ, и Борис Арнадьевич Зернов, извлеченный с редакционной «летучки» в журнале «Земля и Вселенная». Три мушкетера и д'Артаньян, приехавшие в тайну розовых «облаков». Судьба уготована нам встречу не через двадцать лет, а всего три года спустя.

Встреча состоялась на дачной веранде за бутылкой настоящего «снотча», привезенной Мариной, совсем как на паниконе гидромобиль в штате Мичиганн близин от Великих озер. Тольмо вместо штата Мичиганн был Нарофровиский район Московской области, а вместо Великих озер невдалекий Мурманский пруд с относительно живописной рощицей на берегу, которую можно было пройти аюль за пятнадцать минут, а поперег — за четыре.

Всего три года прошло со времени нашего отъезда из Гренландии, а в памяти уже успело многое стереться. Капризная и непрочная штука эта человеческая память, как старый бураньян: иногда придет, иногда это совсем не нужно, и молчит, когда вы так на него надеетесь. Совсем недавно, казалось, исчезли розовые «облака», а зарубежные газеты и радио уже иштут своих мелодий для своих ежедневных записок. Но серьезные разговоры с фонемие розовых «облаков» ведутся тольмо на страницах научных изданий. Честно говоря, и мы их между собой не ведем, или постаревшие мушкетеры, давно забывшие о бриллиантовых мушкетерах французской королевы. И д'Артаньян вернулся с привезенной кардинала, а в в востановку констатирует Ирина деит обязанности строгой жены с еще большей строгостью секретаря анданина. Тольмо по-прежнему вычерчивает карты цинковых и антициклонов, а Мартин осваивает аяплузу Нью-Йоркского гаететчика. Лишь Зернов, где-то обобщающий материалы парижского Конгресса, до сих пор верен написти периметров, и лишь в его присутствии наши встречи негчет ия и вернутся, и ментальноста «на поинишь».

И сейчас это «поинишь» сопродовжало чуть ли не каждый глоток ирепного шотландского виски. И «поинишь» пресс-конференция в отале «Онов!»

— А как вы с тобой на лестнице скардели?

Разговор идет по-английски, и Мартин тотчас же вмешивается:

— Я другую лестницу помню. В казино. Как и по-английски, и по-французски.

— И кончился Ланг. Истати, ты говоришь, потом его много встретил?

— Было дело. Уме бы автомата.

— А Этьен?

— Он уже мертвый был, когда я ему о девушке из казино изаивал. «Нес, сэр». «Ну», сэр». А гла за стейлными.

Минутное молчание, и я спешу переменить тему.

— Женя?

— Нет. Девчонки нет подходящей.

— Мария?

— Вернулся из Гренландии, а она уже замужила.

— А Этьен?

— Вернулся из Гренландии, а она уже замужила.

Роман печатается с сокращениями.

НА ДАЧУ

«Рай без памяти» — это продолжение фантастического романа «Всадники ниоткуда», печатавшегося на страницах «Смены» в прошлом году (ММ 7—13). В первой книге романа рассказывалось о появлении на Земле загадочных «розовых облаков», оказавшихся космиче-ским явлением. Впервые их обнаруживают участники советской антарктической экспедиции и сразу же сталкиваются с необъяснимыми явлениями: «облака» снимают ледяной покров Антарктиды, переправляют его в космическое пространство, воспроизводят любые молекулярные структуры — в том числе и людей. Герои романа встречаются со своими двойниками, с дублированными воздушным лайнером, с моделированным городом американского захолустья. Неполитные людям привычны космические пришельцы стального героя романа и с осязанным энтомологом из жизни борюче французского Солотвалляна и с сооруже-нием миром еще не поставлено фильм. Мировой науке неясно, с какой целью моделируется земная жизнь, все попытки установить кон-такт с «облаками» оканчиваются неудачей. И все же молодой совет-ский ученый удается проникнуть в тайну «розовых облаков», найти основы контакта с эмиссионной телепатической цивилизацией. «Об-лака» покидают Землю, оставляя мысль о возможности дальнейших бо-лее тесных и дружеских связей.

О них и говорится в новом фантастическом романе А. С. Абра-мовых «Рай без памяти». Действие его происходит три года спустя после событий, описанных в первой книге. В центре романа оказываются те же герои — ученый Зернов, кинооператор Анохин, метеоролог Дьячук и американский журналист Мартин.

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

Автошарж

— Родился я в 1929 году. Учился в Академии художеств в Риге. В один прекрасный день перестал быть молодым художником и оказался штатным сотрудником сатирического журнала «Дадис», — говорит Удис Межавилкс, представляя читателям «Смены» свои рисунки.

ВНАЧАЛЕ ВЫЛО СЛОВО...

— ЕСТЬ НЕИЗВЕСТНЫЙ МАСТЕР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА!

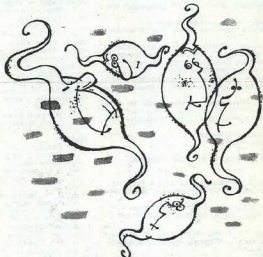

РАВ ОБЫКНОВЕННЫЙ

РАВ МОДЫ

— ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, У МЕНЯ НЕ ХВАТАЕТ СЛОВ...

— ОН ПОПАЛ ПОД МИКРОСКОП, И ЕГО УВЕЛИЧИЛИ В 300 000 РАЗ. С ТЕХ ПОР ОН НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ.

Первая страница обложки: Наташа АРИНБАСАРОВА — студентка Всесоюзного государственного института кинематографии. [Читайте о ней на 23-й странице нашего журнала.]

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: В. Н. Гинчел, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. И. Замочкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — 53-30-87; отделы: литературы и искусства — 51-32-84; очерков и публицистики — 51-33-51; международной печати — 53-31-50; физкультуры и спорта — 53-31-50; писем — 53-30-47; науки и техники — 51-04-10; фотоискусства и репортажа — 53-30-07; информации — 53-31-08; оформления — 50-28-39.

Художник-оформитель О. Теслер.

Технический редактор Н. Будина.

А 00093. Сдано в набор 22/IV 1968 г. Подписано и печатно 14/V 1968 г. Формат 6ум. 70 x 108%. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000. Изд. № 1007. Запад № 1961.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ни один, ни другой и ни третий...

Слова Игоря ШАФЕРАНА
Музыка
Павла АЕДОНИЦКОГО

Степь прость, Адуваново

кто - то о - петь но - го - то рас - тре - во - жит,
Мно - го к крыльцу про - топ - та - но до - рожек,
ока - жет, что нет род - ной на све - те.
да ни к че - му до - рожек э - ти.
Все по - то - му, что серд - це не тре - во - жит
ни о - дин, ни дру - гой и ни тре - тий.
Все по - то - му, что без любви не мо - жет
ни о - дин, ни дру - гой и ни тре - тий.
Все по - то - му, что серд - це не тре - во - жит
ни о - дин, ни дру - гой и ни тре - тий.
Все по - то - му, что без любви не мо - жет
ни о - дин, ни дру - гой и ни тре - тий.

Много к крыльцу протопано дорожек.
Да ни к чему дорожки эти.
Все потому, что сердце не тревожит
Ни один, ни другой и ни третий.

Только к тебе с такою силой тянет,
Что не уснуть и на рассвете.
Все потому, что так, как ты, не глядет
Ни один, ни другой и ни третий.

Кто-то оплет кого-то расстройит,
Скажет, что нет родной на свете,
Все потому, что без любви не может
Ни один, ни другой и ни третий.

КРОССВОРД

Составил В. ШАХУДИНОВ, г. Москва

По горизонтали:

1. Русский художественный и музыкальный ритм.
3. Трапециевидное многоугольное тело в тропических лесах.
7. Советская писательница.
11. Перерыв между уроками.
12. Город на юго-востоке Франции.
14. Французский скульптор.
15. Приют Колыван.
16. Ассамблея музыкантов-исполнителей.
18. Сува, следующий друг за другом.
22. Белорусский просветитель.
24. Река, впадающая в Бискайский залив.
25. Поэма Н. А. Некрасова.
26. Дипломатическое письменное обращение.
27. Рассказ А. П. Чехова.
28. Художник-переводчик.
29. Венгерский пианист, композитор.
32. Приют Витуса.
33. Литературный журнал, участник которого был А. С. Пушкин.
34. Огнестрельное оружие.
35. Чертучий инструмент.
38. Отрицательный полюс источника электрического тока.
39. Голландский живописец и графин XVIII века.
40. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
44. Музыкант.
46. Ученый, один из основоположников современного почвоведения.
47. Сам по себе нежизнеспособные растения.
48. Народная пляска.
49. Многолетнее травянистое растение пустынь Америки.

По вертикали:

1. Спортивное судно.
2. Композитор, автор оперы «Вальсый стрелок».
3. Бразильский архитектор, лауреат премии «За украшение мира между народами».
4. Мочная птица.
5. Площадка для бояса.
6. Подвижная игра.
7. Ученый, изобретатель радио.
8. Скульптура, являющаяся опорой пережитки, баловня.
9. Пасия в честь возлюбленной.
10. Элементарная частица.
13. Поэт-друг А. С. Пушкина.
17. Прибор для снятия молнии с чертешек, планов.
18. Художественно выполненный вымышленный вымысел.
19. Уборочная машина.
20. Украинский народный инструмент.
21. Областной центр Узбекистана.
23. Река в Закавказье.
30. Угловый инструмент.
31. Палеонтолог.
32. Альпийская фиалка.
35. Элемент вычислительной машины, воспроизводящий цифры.
37. Древнерусская эпическая поэма.
38. Опера Ж. Бизе.
41. Тригонометрическая функция.
42. Моторное судно.
43. Гриб, растущий в хвойных лесах.
45. Верстельный корабль для ягед.
46. Порт в Ирландии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Петрозавловск.
2. Регамент.
3. Тернет.
4. Кортин.
5. Уругуалин.
6. Иппит.
7. Пампа.
8. Напротелка.
9. Коло.
10. Логоне.
11. Далгот.
12. Нилуга.
13. «Лета».
14. Инар.
15. Катализатор.
16. Рампа.
17. Адамь.
18. Гриссборг.
19. Ингир.
20. Истини.
21. Отделение.
22. Крапешинско.

По вертикали:

1. Гогг.
2. Катаев.
3. Алье.
4. Порция.
5. Тарту.
6. Ветка.
7. Клаура.
8. Гриссоментори.
11. Красноуральск.
13. Ре-продуктор.
14. Коуданатор.
16. Неологизм.
17. Кишелевич.
18. Партигура.
19. Маргарита.
21. Сальери.
23. Принск.
33. Ростов.
34. «Гроза».
35. Салтун.
38. Очерк.
40. Дизз.
41. Ирма.

«Жить» — вот что поставила
на знамени я
И с солнцем расстанусь едва ли,
Из юбки справа была шкура моя,
Теперь же она из стали.

«ОБРАЩЕНИЕ К ТИЛЮ» [Рассказ о том, как работал над новыми иллюстрациями и «слегало» об Улановителе молодой художник ЮРИЙ ИВАНОВ, читайте на 22-й стр.]

Фландрии край прекрасный,
Брабанта край веселый
Печальны, словно кладбища,
Где непогода в пору свободы
Пели виолы и флейты визжали,
Мимо бозмовые и смерть,
Бей в барабан войны!

Герцог Альба, иржавый герцог,
Видишь ли эти запыленные ланеты
Банкалейцины, пенари, пивовары
Не торгуют, чтоб не платить тебе
Кто привет тебе шлет, когда
приезжаешь? (подать)
Нинто! Ты чуешь, как гнев и презренье
Дыханьем чумы тебя обдают?

Я главу — подружка плачет,
И моя тоска взяла.
Смех ее мне слаще меда,
Но и слезы — жемчуг. Значит,
Мно она всегда мила —
И в слезах... Но неужели
Долго будем мы грустить?
Ставлю кружку — там и быть,
Если улыбнется Неле!

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820